

Кисс
МАРИАННА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Наследник

ДЛЯ ВРАГА

Марианна Кисс

Наследник для врага

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70314754
SelfPub; 2024*

Аннотация

Отец проиграл в карты все наше имущество. Я попадаю к Булату Шаху в качестве гарантии того, что отец не сбежит из города. Мне приходится терпеть общество бандитов и быть разменной монетой в их играх. Булат Шах – жестокий, безжалостный человек, держащий в страхе весь город. Ненавижу его всем сердцем, но вынуждена родить ему наследника из-за грехов моего отца.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	59
Глава 11	71
Глава 12	77
Глава 13	83
Глава 14	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Марианна Кисс

Наследник для врага

Глава 1

– Вставай соня, скоро полдень, а ты всё спишь!

– Мам, выходной же, – я открыла один глаз и сразу закрыла, спасаясь от яркого солнца, бьющего в окно.

– Сейчас отец приедет, поедем на дачу. Ты забыла, сегодня у нас годовщина. Будем праздновать. Там наверняка уже кто-то из гостей приехал.

– Твоя подружка первее всех, – усмехнулась я и перевернулась на бок.

– Спускайся, я пойду, приготовлю что-нибудь лёгкое тебе на завтрак. Хотя, уже скоро обед.

– Ты что ещё не приготовила? – спрашиваю шутливо возмущённо и переворачиваюсь на спину. Раскинула руки, чем-то очень довольная, смотрю на потолок.

Сегодня встречу Артёма, сына маминой подруги. Этот факт меня радует. Артём взрослый парень, уезжал учиться за границу, вот вернулся, и должен будет прийти со своей мамашей, на годовщину моих родителей.

– Я сама проспала, – отвечает мама уже с лестницы, – папа рано ушёл, у него с утра что-то срочное, очень торопил-

ся. Сейчас скинул сообщение, приказал быть готовыми через полчаса.

– Да ну, мам, – отмахнулась я, неохота вставать с кровати.

– Разнежилась ты Элька, стала совсем лентяйка...

– Ну а что, выходной ведь. Я и так в универ рано встаю, – возмущённо оправдываюсь.

– Ладно, жду тебя внизу. Быстро перекусим, как раз, отец приедет.

Мама пошла вниз, а я разлеглась на кровати, счастливо потянулась.

Моя спальня наполненная лучами солнца, кажется самой лучшей комнатой на земле. Тут ещё куча детских игрушек. Рука не поднимается отнести их в кладовку или отдать отвезти на дачу, как требует папа. Не могу. Никак не расстаться со своими куклами и мишками. Вроде бы давно пора.

– Ну, ты скоро?! – мама зовёт.

– И-ду, – я лениво села на кровати, нехотя встала, подошла к окну, сладко потянулась, выглянула на проспект.

Наша квартира в самом центре города и вид открывается на великолепную архитектуру зданий. На выходные мы обычно едем в загородный дом, так называемая – дача. Там у меня огромная комната, в два раза больше этой, хоть и эта не маленькая. Там у меня рояль, огромная кровать и игрушки тоже.

Я всегда рассуждала так, когда у меня появится парень, то сразу повзрослею и все игрушки раздам. Пока никак. Живу

в выдуманном мире иллюзорных мечтаний. Есть в универе пара парней, которые мне нравятся, но пока это только симпатия и ничего больше. Не встретила еще, того кто бы покори́л моё сердце раз и навсегда. Нет такого человека. Вот, надеюсь на Артёма. Может это – судьба.

Я повернулась, не переодеваясь, прямо в ночнушке пошла вниз. Она немного старомодная, похожая на белое кружевное платье с рюшиками по низу и на рукавах. Люблю все кружевное, похожее на волшебные платья принцесс.

Спустилась к маме на кухню. Уже чувствую запах кофе, тостов и фирменного мамино́го омлета с базиликом и сыром.

– А много гостей папа наприглашал? – спрашиваю, входя в кухню.

– Немного, человек тридцать, это с нами. В этот раз он решил скромно отметить годовщину.

– И то хорошо, не люблю толкучку. У папы вообще какая-то любовь пускать пыль в глаза.

– Ну, дорогая, он работает в такой сфере, что без выгодных знакомств и без пиара – никак, – оправдывает мама папину любовь ко всякого рода сборищам.

– Зачем это ему? Он же обычный бизнесмен, там купил, тут продал, – пожимаю плечом.

Я-то в универе научена по экономике, уже знаю, что за чем. Это просто бизнес.

– Ничего ты не понимаешь, а связи, а конкуренты. На конце тот, у кого больше связей, – мама за папу вечно защищается.

Оправдывает все его порой даже странные идеи.

– Я этого не понимаю, – дернула я плечом.

Села на высокий стул у стойки, мама поставила передо мной тарелку.

– Ешь, давай, – чтобы там, на еду не набрасываться. А то подумают что ты голодная.

Мама тоже в ночнушке. Управляется у кухонной стойки.

Смотрю на неё и практически вижу себя в возрасте пятидесяти пяти лет. Я буду ничего такой, симпатичной, стройной, как моя мама. Если только не растолстею, как папа. Надеюсь нет, я ведь в мамину породу пошла.

Отрезала ножом кусочек омлета, вилкой наколола, положила в рот.

– Ну как? – мама смотрит.

– Отлично, вкусенький омлетик, – улыбнулась я и наколола ещё кусочек.

– Ты – моя зайка, – она глянула поверх моей головы, на часы на стене, – Ох, ты! Давай, Эль, быстро, в темпе. Сейчас отец придет, будет очень недоволен, – мама засуетилась быстрее.

– Угу, – отвечаю пережёвывая.

Шум у входной двери, оповестил о приходе папы.

– Ну, вот приехал, и поесть не успели, – мама недовольно бросила полотенце.

В кухню вошёл папа, на лице его странное рассеянное выражение, тревожный взгляд блуждает, будто что-то ищет и

не может найти.

– Привет, па, – я думала, подойдёт меня целовать, но он прошел мимо, сразу наверх.

– Боря, что случилось, Борис? – мама тоже заметила неладное.

– Сейчас, – он прошел по балюстраде до спальни родителей, вошёл туда и мы услышали звук открываемых шкафов, потом торопливые шаги.

– Мы едем на дачу? – спрашивает мама.

– Не едем! – послышалось сверху.

– Ты все отменил? – недовольно остановилась мама, глядя наверх.

– Да, я все отменил! – нервно выкрикнул папа.

– А почему нам не сказал? – мы с мамой переглянулись.

– Не сказал, потому что так надо, занят был, я что должен обо всем отчитываться? – резко сказал папа, показавшись на мгновение в районе двери.

Вышел уже с черным кейсом.

– Что ты... Ты куда? – удивлённо смотрим с мамой на его торопливые перемещения.

– Уезжаю... Это временно, – он спустился вниз, – не волнуйтесь, небольшая срочная командировка, – подошёл ко мне, чмокнул в щеку, потом к маме, тоже поцеловал. – Это ненадолго. Нужно только немного времени и все наладится.

– Что наладится, говори яснее? – мама возмущённо расставила руки.

– Некогда, потом, – папа торопливо направился к двери.

– Ничего не понимаю, Боря, так мы никуда не едем?!

Отец остановился у входа, повернулся к нам с мамой, окинул долгим взглядом и... вдруг, рухнул на колени.

– Маша, прости! – он пополз к маме, обхватил ее за ноги, –

Прости, я все верну, клянусь это ненадолго! Я уже договорился! Не ругай, я все верну!

– Что... – мама выпучила глаза, – ты снова... играл?

– Маша, прости, клянусь, я не знаю, как так вышло! – папа хватая маму за руки, пытается поцеловать, но она вырывает ладонь.

Мама закрыла лицо руками, отец вскочил на ноги и пошёл к двери.

– Если меня будут спрашивать, скажите я уехал, скоро буду, – он открыл входную дверь и сразу отпрял назад, прямо на него идёт человек... высокий, темный и очень страшный.

– Куда собрался, Зуев?

Глава 2

За амбалом ещё двое. Я почувствовала что-то неладное. Сразу как они вошли и даже ещё не посмотрели на меня, уже было понятно происходит что-то опасное.

Я неосознанно встала и отошла к окну.

– Куда собрался, Зуев? – повторил самый здоровенный амбал.

Его угрожающий тон, и голос глухой бас, заставил практически вынудил вжаться в стену. Как-то так получилось, что оконная штора совсем рядом, ненарочным, лёгким движением скрыла меня.

– Послушайте, я никуда... я как раз хотел... – зашуганно оправдывается папа.

– Давай сюда кейс, – прогремел все тот же бас.

– Пожалуйста... – я слышала звук удара и стон отца.

Мама вскрикнула:

– Что вы творите! – но тут же заскулила от боли, я не вижу что с ней, только слышу ее вскрики и сильнее вжимаюсь в шторы, в страхе не могу даже пошевелиться.

Закрыла ладью рот, чтобы не заскулить и не пикнуть. Естественное желание броситься туда, к родителям, потребовать, чтобы их не трогали, но ледяной ужас перекрывает путь.

– Подожди немного, Булат, я обещаю... – плаксивый голос

папы.

– Нахрена мне твои обещания, давай сюда кейс, – звуки движений, щелчок замка сумки, шорох бумаг. – Ну вот, а говорил, что у тебя пусто, недвижимость на жену обменял сучонок. Падла. Не люблю, когда меня обманывают, – каждое слово этого страшного человека врежется в сознание, и отдаётся жгучей болью где-то внутри.

– Ай – ай – а -а! – вскрики отца.

В ужасе распахнула глаза, хочу кинуться, налететь на человека бьющего моего папу. Вцепиться ногтями, чтобы его не мучил.

– Умоляю, не трогайте его, у него сердце! – кинулась мама.

– Разве это сердце? – отвечает басом человек. – Ты мамаша не в курсах, что он все проиграл? И тебя проиграл вместе с этой квартирой и домом за городом, и тачки ваши. Все! И ещё остался должен, – ухмыляется мужчина.

– Не верю! Боря, что ты наделал? – слабым голосом спрашивает мама.

– Прости, Маша, я не хотел, думал, отыграюсь! – скулит папа.

– Собирайся мамаша. В шлюхи тебя не возьму, у нас нет извращенцев топтать старых сук, а в уборщицы сгодишься. Иди, собирайся, у тебя минута.

– Вы не посмеете, – гордо говорит мама.

– Иван, проводи мамашу в покои. Или ты хочешь в своей сексуальной ночнушке с нами пойти? Забирай мамку, ещё

будет тут выёбываться, – сказал он кому-то.

– Нет, отпустите! – кричит мама, ее отчаянный крик заставил меня тоже закричать и, отодвинув штору, я кинулась к маме, схватилась за нее обоими руками.

– Мамочка! Нет, не трогайте её! Уходите отсюда! – кричу и цепляюсь за маму, а она смотрит на меня ошалело.

– Нет! – пронзительно закричала она, с силой меня толкнула назад к окну. – Уходи отсюда! Уходи, сейчас же!

– Да нет, мамаша, уже поздно уходить, – слышу над своей головой грубый бас, кожу на затылке сжимает леденящий холод.

Но я не останавливаюсь, поворачиваюсь, кидаюсь на мужика с кулаками, бью в огромную, каменную грудь. Стучу в нее, а вижу мерзкую усмешку на губах амбала.

– А вот это уже интересно, – произносит громила похожий на огромного Кинг-Конга, – Зуев, ты не говорил, что у тебя есть такой цветочек. Согласен – мамку оставляем, девку забираем.

– Нет! – кинулась мама, преграждая путь, когда он протянул ко мне руку.

– Пошла отсюда, – оттолкнул ее этот гад, указал на меня какому-то человеку, – заберите девку, она нам больше денег заработает, чем эта старая сука. Быстро забирай малышку!

– Булат, прошу тебя, умоляю, – ползет на коленях папа и плачет. – Оставь дочь, она не виновата, она ни при чем!

– Ты сам сделал так, что она теперь причем. Даю тебе

неделю Зуев. Документы и дочь забираю. Если ты через неделю не заплатишь все сумму, девка пойдет отрабатывать, а недвижимость переходит мне.

– Умоляю, не губи дочь, я все сделаю! – кричит папа, а я не понимаю что происходит, почему они вдруг начали говорить обо мне.

– Эта малышка будет гарантией, что ты старый мудила, не сбежишь, и не кинешь меня на бабки.

– Прошу, только не дочь! – отец закрыл лицо руками.

– Ты предлагаешь, чтобы я взял твою старушку жену? – амбал усмехается похабно, показывая на маму, которую крепко держит другой человек, чтобы она не бросилась ко мне. Лицо её залито слезами, волосы растрёпаны.

Я в ужасе смотрю на всю эту картину и ещё не до конца понимаю, что происходит. Жду, сейчас они уйдут и всё закончится.

– Умоляю, Булат! Клянусь, я все отдам! – стонет папа, уже невыносимо слушать истошные крики мамы.

– Вот когда отдашь, тогда и получишь свою малышку, если к тому времени она будет ещё жива...

– Папа, – жалостно смотрю на отца, тяну к нему руку.

Кто-то подошёл, взял меня под локоть и потянул к входной двери.

– Доченька моя! – мама кидается, пытается вырваться из рук держащего её мужчины.

Бешено дергается, пытаюсь выбраться. А тот бесцеремон-

но стукнул ее по голове и мама начала падать.

– Мама! – закричала я, хотела броситься, но мужик резко обхватил меня за талию, приподнял и понес.

Ужас в том, что они сильнее, я не в состоянии справиться, могу только бессильно дергать ногами и руками, плакать, кричать во весь голос.

Я ору, визжу, может соседи услышат и вызовут полицию.

– Заткнись, а то вырублю, – сказал кто-то из мужиков, только я ничего не соображаю.

Сокрушительный удар в лицо, и я почувствовала, как проваливаюсь в бездну.

Глава 3

Авто вздрогнуло и качнулось. Я уткнулась лбом во что-то мягкое, резко открыла глаза и мгновенно вспомнила всё, что произошло.

Щека болит от удара. В глазах до сих пор звёздочки. Тесно, неудобно. Руки сложила на коленях. В нос бьёт резкий мужской запах. Всё перемешалось – кожа кресел и чей-то терпкий парфюм, лавандовый освежитель. Сажу в салоне авто, а вокруг меня одни мужики.

Вжалась сидение и чью-то упругую мышцу. Осторожно повернула голову. Зажата между двумя мужиками. Впереди ещё двое. На пассажирском, рядом с водителем тот самый бугай, который хватал и дёргал мою мать.

Но, где она? Я тут одна? Родителей нет. Значит... Сразу дурно стало. К горлу подкатила тошнота, в сознании снова помутилось.

В голове один вопрос – Что эти люди хотят со мной сделать?

Представляются страшные картины. Липкий ужас сковал тело, перекрыл горло, даже закричать не могу.

– Сейчас заедем к доктору. Он падла, ещё с прошлой недели не отдал. Может, тоже какой-нибудь цветочек найдём. Свежая кровь в клубешник. Потом домой в ночник, – приказал главный.

То, что этот амбал тут главный можно не сомневаться. По его взглядам и жестам, по тому, как он говорит, с выражением абсолютной, неразделимой власти, ясно, он тут – вожак стаи.

– А куда девку, босс? – спрашивает главного человек справа от меня.

– Да черт его знает, забрали на свою голову. Нахрена спрашивается. Теперь придется неделю ее где-то держать. Этот старый дурак думал так просто отделается, сука.

– Может сразу ее пацанам отдать, пусть поиграются, а потом в ночник, для клиентов?

– Ага, а он мне потом предьяаы будет кидать, что девку ему испортили. Нет уж, если бабки отдаст, я свое слово держу. Вот если не отдаст, тогда разговаривать будем по другому, – он повернулся и окинул меня таким взглядом, от которого стало ещё хуже, я почти на грани потери сознания.

Ясно одно этот человек очень жестокий. В случае, если папа не отдаст деньги, которые должен, главарь этой банды не будет со мной панькаться.

Смотрю сквозь упавшие на лоб пряди волос и всей душой и сердцем этого урода ненавижу. Не знаю, что меня ждёт, надеюсь, недолго придётся находиться рядом с этими людьми. Надеюсь, мама вызовет полицию и уже сегодня их всех схватят и арестуют, а я пойду домой.

– А ничего такая, малышка, – усмехнулся бугай и тупо уставился на мою грудь.

Я до сих пор в ночнушке, ткань натянулась выставляя на обзор подробности моего тела. Особенно в районе груди выпирает и торчат соски.

– Славная малышка, – сказал кто-то рядом, – тем хуже для нее. Была бы уродиной, никому бы до неё дела не было. Нахер бы не нужна...

– На хер точно, – гыгыкнул второй.

Я снова задрожала и почувствовала, как жгучие слезы бегут по моим щекам. Подавила всхлипы, но до конца не смогла.

Амбал снова повернулся, протянул руку, убрал с моего лица челку, заинтересованно посмотрел. Я щурюсь, часто вздрагиваю, как трусливый затравленный зверёк.

– Плохо девонька иметь отцом такого козла. Но что поделать, кто-то же должен за него отрабатывать, – сказал он без тени сочувствия.

Через некоторое время машина остановилась. Мужики вышли, остался один рядом со мной. Мы просидели в машине около получаса, прежде чем остальные вернулись, громко ругаясь матом и возмущаясь, что какой-то доктор сумел от них сбежать.

Поехали дальше.

Меня мотает из стороны в сторону от тошноты и плохого состояния. В какой-то момент я даже откинулась на подголовник, закрыла глаза и попробовала отключиться от ситуации. Устала всё время дрожать и кажется даже заснула, если

это можно назвать сном. Всю дорогу слушать их разговоры, но не воспринимать, оказалось намного легче, чем сидеть, сжавшись в комок и ждать, когда же они начнут что-то со мной делать.

—

Очень долго. Туда-сюда. Какие дела могут быть у этих людей. Мы без конца куда-то приезжаем. Я остаюсь в машине с одним человеком. Его зовут Макс. Пару раз он пытался заговорить со мной, но я молчу, на вопросы не отвечаю.

Сколько мне лет? Учусь ли я? Если у меня парень?

Я опускаю голову, тереблю пальцами кружевную ткань ночнушки и упорно молчу.

До темноты ездили по городу. Мужики возвращаются то довольные, то не очень. И каждый раз амбал, или ругает их, или хвалит. Сегодня, насколько я поняла, он делал проверочный рейд вместе с подчинёнными. Чтобы посмотреть эффективность их работы, а то в последнее время заметил спад активности. Они стали приносить меньше денег.

Наконец подъехали «домой». К ночному клубу под название «Кинг». У входа уже собралась приличная толпа. Я слышала про этот клуб от однокурсниц. Говорили, он самый крутой и дорогой в городе. Я никогда тут не бывала и даже не представляю, что там может быть внутри, могу только догадываться. Пару раз смотрела видео в группе. То, что я ви-

дела меня пугало, но, в то же время, притягивало.

Неужели меня сюда поведут?

Главный вышел из машины взял с собой кейс, который забрал у моего отца и пошёл к клубу. Наблюдаю, как себя ведёт этот большой человек, словно он тут царь, а все остальные никчёмные вассалы. Сквозь расступающуюся толпу двинулся ко входу. Охранник открыл цепочку.

Остальные сидят в машине и чего-то ждут. Водитель вышел покурить. Двое по бокам смотрят в своих телефонах, а я только сейчас начинаю соображать. Пытаюсь придумать, как мне отсюда выбраться, постараться сбежать, пойти в полицию.

Пока это не представляется возможным. Два здоровых мужика сидят и никуда уходить не собираются. Если бы хоть один из них встал, я бы возможно использовала шанс, но его нет, а раствориться в воздухе не получится.

Мне страшно. Как никогда в жизни. Не знаю, как помочь самой себе.

Надеюсь, родители обратятся в полицию, заявят, что их дочь похитили.

Ожидание закончилось в тот момент, когда амбал, который главный, вышел из клуба, но не пошел к машине, а махнул рукой другим, сердито приглашая внутрь.

– Наконец-то, – выдохнул один. – Жопа затекла сидеть.

Мужики засобирались, спрятали в карманы телефоны. Тот, что справа открыл дверь, вышел, указывая на меня,

спросил у амбала:

– А с ней что делать?

– Тащи её сюда, – махнул рукой главарь.

Отлично, если кто-то из них потеряет бдительность, у меня появится шанс сбежать. Тут полно людей, они мне помогут.

Но это только в мыслях. В реальности мужчина сцепил пальцы на моём запястье и потянул из машины. Так до самого входа, я даже не успела подумать или крикнуть – помогите, или что-то в этом роде. Побоялась. Не знаю, почему я никак не отреагировала.

Вошли внутрь, там долбит музыка. Мужчина крепко держит. Иду за ним, подергиваясь от страха, хватать за перила, чтобы не упасть.

Внутри клуба полно народа. Пахнет алкоголем и табачным дымом.

Мы прошли по залу, прямиком на второй этаж.

Посетители посматривают на нашу странную компанию – несколько brutальных мужчин и я в белой ночнушке и домашних тапочках. Причём все видят, меня ведут, явно как пленницу, принуждая идти за ними. Неужели эта картина никого не наталкивает на мысли позвонить в полицию.

Щёки краснеют, надеюсь, в мигающих огнях моя грудь не слишком просвечивается сквозь ночнушку. Хотя, это самое последнее, что должно меня сейчас беспокоить, но я все же переживаю.

Стройные девушки в коротких, обтягивающих платьях и на высоченных каблуках меня рассматривают насмешливо, с брезгливой неприязнью. Очевидно им интересно, почему я иду рядом с этой мужской компанией. Они не в курсе, что я обыкновенная безвольная заложница. Жертва. Никому неизвестно, какая меня ждёт участь. Если только главарию.

Прошли на второй этаж, в комнату за темными шторами. Мужчины расселись на диваны. Мой сопровождающий толкнул меня тоже на диван. Я чуть не упала, быстро села обхватила себя руками, закрыла грудь.

– Садись малышка, и не рыпайся. Рыпнешся, сразу продадим, – зубоскалит урод, сидящий рядом со мной.

Когда все расселись, вошли две девушки в неоновых платьях. Одна встала посередине, начала танцевать держась за пилон, прикрученный от пола до потолка. Другая уселась на почти руки главарию, прижалась к нему всем телом. Он обхватил девицу, положил руку ей на задницу.

Я потупилась, стараюсь не смотреть, чтобы лишний раз на меня не смотрели.

– Давай-ка, принеси выпить и закуски, – сказал кто-то, торопливо вошедшему парню официанту.

Атмосфера ужасная. Я иногда видела подобное в фильмах, но никогда не была в подобных клубах. Сейчас он кажется самым страшным местом на земле. Сидя между мужиками я сжалась. Больше всего на свете хочу домой, к маме. Вот бы зажмуриться и перенестись туда, где тихо и без-

опасно.

Закрываю глаза, потом открываю, но я почему-то всё ещё тут.

Потому что мой папа, кому-то из них проиграл. И это ужасно. Скорее бы за мной пришла полиция.

В ответ на эту мысль шторка пошатнулась, вошёл человек в полицейской форме.

Я спасена – подумала я. Всё кончено. Сейчас меня отвезут домой.

– Привет, Булат, – сказал полицейский и обменялся рукопожатием с главным амбалом.

Надежда тут же рассеялась. Разбилась вдребезги. У них тут и полиция заодно.

Принесли выпивку и закуски. Эти люди начали отдыхать. Так у них это называется – отдыхать после трудового дня. В чём заключается их труд, я тоже сообразила.

– Малышка, выпей, – сказал один из них и все посмотрели на меня.

Он протянул мне тонкую рюмку с чем-то прозрачным. В напитках я не сильно разбираюсь. Дома по праздникам могу выпить шампанское или вино. Ничего крепче никогда не пила.

– Я не пью, – говорю, насупившись, но сейчас мне почему-то страшно захотелось пить.

– А придется, – сказал главный, которого все зовут Булат.

– Не хочу, – сказала упрямо, сердито глянула ему в глаза

и тут же отвела взгляд.

Наверное, не стоит на него так смотреть.

– Если не хочешь, чтобы это залили тебе в рот, пей, – говорит он грозно.

По виду и голосу ясно, он сделает это, зальёт прозрачную жидкость мне в горло, при всей толпе, если буду долго выделяться. Я взяла рюмку и залпом опрокинула в рот. Внутри обожгло, в глазах потемнело, но это даже лучше.

– Ого, ну и малышка, – криво усмехнулся бугай, – ещё будешь?

– Да, – говорю, теперь уже не отводя взгляда от его ненавистного лица.

Все заржали, глядя на меня. Кто-то налил и протянул мне следующую рюмку.

Я взяла ее и снова залила себе в горло. Будь что будет, мне уже всё равно.

В голову ударило точно молотом. Все поплыло. В глазах помутилось настолько, что показалось я будто ослепла. Моргнула пару раз, нет, не ослепла, вижу, как они все задвоились. В желудке пусто, я ведь не успела почти ничего съесть дома, а уже день прошел.

– Ну что, будешь ещё? – ржёт кто-то мне в лицо.

– Да, – говорю упрямо и чувствую ещё немного и я потеряю связь с действительностью.

– Хватит ей, – сказал Булат, я отшатнулась назад, упала спиной на диван и закрыла глаза.

Дальше на меня уже никто не обращал внимания. Они пили, ели, разговаривали, лапали девок, а я лежу без движения, точно две эти рюмки парализовали мое тело и мое сознание.

Глава 4

Приоткрываю глаза спустя какое-то время. Чувствую тошноту, после выпитого неприятные ощущения в желудке. Если бы хоть что-нибудь съесть, не было бы так плохо сейчас.

Охваченная паническим страхом, жаждой слепившей язык и голодом беснующимся в желудке, прижалась к спинке дивана в полуобморочном состоянии. В то время, когда вокруг меня происходит абсолютный Содом.

Ужасает творящееся вокруг. Поражена насколько эти люди мерзки и развратны. Пьяные мужики, липнущие к ним шлюхи – отвратительно.

Стараюсь быть невидимой насколько это возможно. В какой-то момент замечаю, Булат посматривает на меня иногда с излишне сосредоточенным интересом. Это взгляд порочного насквозь человека, не видящего преград для злодеяния. Я практически кожей ощущаю чего он хочет и моём сознании рисуются страшные картины.

Надеюсь, мой отец уже сегодня заплатит Булату и он не станет меня трогать.

Хочется верить, что в этот самый момент, папа носится по городу, чтобы добыть денег и спасти меня от мерзкой участи. Мои родители не допустят, моего долгого присутствия в подобном месте. Они делают всё и даже больше...

– А ну-ка, пойдём красотка, посмотрим, что у тебя под платюшком, – бугай вдруг поднялся с места, оттолкнул повисшую на нем шлюху и схватил меня за запястье.

Не успела я даже вскрикнуть, он потащил меня куда-то из помещения.

– Уёбки, хотели от меня скрыть такую милую куколку? – гремит пьяный голос, отчего по моей коже пробегает жуткий холод.

– Булат, не надо, не трогай её, она дочь Зуева, – выкрикнул кто-то сбоку.

– А вот ты, сейчас – закрой свой рот, – обернулся Булат, остановился, ткнул в кого-то пальцем.

– Ну, понятно, – парень потупил взгляд, потом посмотрел на другого, словно требуя чтобы тот попытался повлиять на ситуацию. Но второй отвёл взгляд.

– Ещё кто желает высказаться? Не слышу! – оглушительный басом над моим ухом.

Все притихли, боятся сказать что-то против. Отвернулись, не смотрят, как Булат схватил за плечо моей ночнушки и тянет меня к выходу.

– Отпустите! Я не хочу! Я вызову полицию! – у меня вдруг появился голос.

Такой момент, если сейчас не закричу, потом может быть поздно. Пока я тут и все эти люди способные остановить невменяемого Булата. Оборачиваюсь, в поисках человека в форме, но его уже нет. Остальные отвернулись или потупи-

лись.

Никто не собирается вступаться за меня.

– Да мне похуй, кого ты вызовешь, я хочу тебя выебать и я это сделаю прямо сейчас, – уверенно говорит бугай.

Осознание его слов заставило меня мгновенно протрезветь, встряхнуться сознанию и откуда-то взяться силе. Я резко вырвала из его хватки свою руку. Не долго думая, он схватил меня за волосы, вытянул из комнаты, которая была последним моим спасением, и потянул куда-то по полутёмному коридору. Наверх, в сторону, ещё коридор.

– Пожалуйста, – скулю, ною, выкручиваюсь в его руках.

Моя сила даже не десятая доля от его силы.

Осознаю реально, насколько все серьезно. Он собрался сделать со мной что-то плохое. Чем больше я сопротивляюсь, тем сильнее ему хочется меня сломить.

Выдыхаю и начинаю уговаривать.

– Прошу вас, пожалуйста, отпустите. Мой папа обязательно заплатит вам, сколько скажете, – слезы текут по щекам, не представляю, как выбраться из этой страшной ситуации.

Булат открыл дверь комнаты, втолкнул меня туда как котёнка.

– Раздевайся! Быстро, чтобы я не ждал долго, – он подошёл к барной стойке плеснул себе чего-то в бокал, выпил и повернулся ко мне. – Я блять непонятно сказал? Снимай эту хрень! Мне ваще похер на твоего папашу, он сам виноват, мог не играть. Нет же ему было мало. Сука. Твой батя давно

проиграл все, что у вас есть. Он за тебя не заплатит, потому что ему тупо никто не даст столько денег. С этого дня ты моя собственность и я буду делать с тобой всё что захочу. Снимай тряпку, становись раком.

Я заскулила, растирая слезы. Нет, не верю, этого не может быть. Как жестоко звучит. Хочется просто закрыть глаза и исчезнуть, но это невозможно.

– Пожалуйста, я не могу...

– Да твою сука мать...

Он резко расстегнул ремень и молнию на джинсах, я увидела полоску трусов и закрыв глаза руками в ужасе отвернулась.

– Ты меня не поняла сучка, давай быстрее не заставляй применять силу. Тебе будет очень больно, поверь, я не умею бить слабо и мне похер кого бить тебя или другую шлюху.

Он подошёл ко мне совсем близко схватил за ворот ночнушки обоими руками и рванул так, что ткань с треском разошлась, мое тело оголилось, я вскрикнула и прикрылась руками.

– Ты чё блять, ещё выебываться будешь? – он схватил меня за волосы и толкнул на кровать.

– Умоляю, не надо, – заплакала, когда он спустил джинсы и я увидела, его трусы натянулись от того, что там спрятано под тканью нереальное, большое. Не хочу даже осознавать, что сейчас он снимет свои трусы и я увижу полностью его огромный орган.

– Пожалуйста, пощадите, я не знаю. Я никогда не была с мужчиной, прошу вас...

– Что-о?– он вдруг остановился.

– Блять, сука, ещё и девственницу подсунул, во сука! Выкрутился, сука! Охренеть!

Булат возмущённо стоит надо мной, смотрит диким взглядом.

– Ох тыш блять! – шумно выдохнул, повернулся в сторону, отошел от кровати.

Кажется, мои слова подействовали. Булат практически сразу потерял ко мне интерес. Достал из кармана телефон, набрал номер, приложил к уху.

– Давай мне сюда ту блондинку, а эту забери. Она блять девственница, сука. Та ну ее нахер, я трахаться хочу, а не сопли жевать... Ну да, ты говорил, ну занесло меня, ладно не ори! Тащи быстро шлюху, у меня член стоит.

Через пару минут дверь открылась, вошёл один из тех мужчин, кто сидел рядом со мной в машине, с ним девушка. Она сразу прошла к кровати стянула с себя платье.

– Забери ее нахер, чтоб я ее не видел. Сука, такой мне облом... – возмущается главарь.

Мужчина кивнул мне, чтобы шла за ним. Я схватила свою ночнушку и скорее вышла из комнаты.

Кажется, пронесло.

Глава 5

Иду, придерживая разорванную ночнушку. Мужчина остановился, обернулся, посмотрел на то, как я дрожащими руками схватилась за белую ткань.

– Пошли за мной, – мотнул головой.

Мы спустились на первый этаж, тут звуки музыки сильнее и громче. Даже стены вздрагивают. Прошли по служебным ходам. Завернули и вошли в темную комнату.. Мужчина включил свет, прошел между рядов одежды на стойках. Много в чехлах. Тут что-то типа гардеробной. Он порылся в шкафу, снял что-то с полки, подошел и подал мне туфли.

– У тебя какой размер?

– Тридцать шесть, – говорю, всхлипывая и подрагивая всем телом, ещё не могу отойти от пережитого.

Мужчина вернулся к шкафу, достал другие туфли.

– На вот, примерь, – подаёт и посматривает на мои оголённые плечи.

Закрываюсь, как могу, но рваной ночнушки на всё не хватает.

Я взяла туфли на невысоком каблуке, надела, оказались в самый раз. Тем временем мужчина принёс уже несколько платьев. Все они не обычные, а с блестящими или цветными вставками, как для выступлений на сцене. Это сценические костюмы.

– Вот нормальное, – протянул мужчина красное платье, в испанском стиле, с рукавами похожими на рюши, юбка не длинная, но в крупный рюш. Плечи полностью открыты.

– Одевай.

Я повернулась к нему спиной и начала осторожно постепенно надевать платье, чтобы ночнушка не упала и не оголилась грудь раньше, чем я натяну платье. Надела поправила. На груди слишком открыто, но этому человеку явно понравилось.

– Отлично, – сказал он, довольно скосив губы, протянул руку и поправил мои волосы, отчего я сразу сжалась. – Не бойся, я тебя не трону. Пошли.

Мы вышли, он выключил свет.

Пошли по темному коридору, мужчина говорит:

– Ты это, с Булатом поосторожнее, лучше не дерзи ему, и не отсвечивай. Он не любит гонористых девок может и обидится. А если он обидится, лучше прячься.

– Я не понимаю, зачем он так со мной? – чувствую в этом человеке сочувствие к себе, – мой папа отдаст ему деньги...

– Твой папа, уже ничего никому не отдаст, это – факт. Так что готовься, история будет долгой. Если будешь покладистой с Булатом, может и не пошлет тебя в зал клиентов обслуживать.

Мы уже подошли к комнате за шторами, откуда раздаются голоса всё той же пьяной компании мужчин.

– Всё, молчи, – он отдернул штору, мы вошли и все взгля-

ды сразу устремились на меня.

Мужчина указал на край дивана, я села. Чувствую, меня рассматривают и настороженно переглядываются. Не пойму, что со мной не так.

Дальше я старалась вести себя очень тихо, никого не рассматривать. Они болтают о каких-то заказах, работах, кентах и клиентах. Речь их густо перемешана с матами. Я никогда не была в месте, где бы звучало одновременно так много мата. Поначалу это казалось отвратительным и мерзким, но уже через какое-то время я привыкла. Не слышу, не реагирую, не вникаю.

Волей неволей осторожно рассматриваю девушек, они входят, выходят, танцуют или сидят в объятьях кого-то из мужчин. Эти девушки совсем не такие как я. Они одеты в откровенные наряды на ногах туфли или босоножки на высоких каблуках. Они настолько высокие что, например, я бы не смогла на таких даже ходить, не то чтобы ещё танцевать.

Девушки ведут себя очень вызывающе. Я понимаю, это их профессия, они должны себя так вести. Чтобы нравиться, и чтобы им платили деньги. Лично мне кажется это унижительным и гадким. Продавать себя, своё тело, позволять трогать себя. Сложно даже представить, если бы я была на месте кого-то из них. Мерзко до дрожи.

Мужчины с этими девушками не церемонятся, бесстыдно трогают за разные места, ноги, грудь, талию, бедра и между ними. Я стараюсь не смотреть, но все равно вижу. Я же не

закрою глаза. А этот разврат вокруг меня, повсюду.

Чем дольше сидим, тем страшнее. Ненамеренно жду, когда вернётся тот, самый главный. Боюсь его больше всех остальных. Он напоминает беспощадного, жестокого монстра, которому все равно, что чувствует другой человек. Никогда не встречала таких людей, никогда не представляла, что мне придется столкнуться с таким в жизни.

Безысходность моего положения доводит до отчаяния. Прислушиваюсь, не слышно ли запоминающегося, пугающего баса среди звуков музыки и шумных разговоров.

Не могу успокоиться ни на минуту, вспоминая, недавние события. Силюсь предугадать, что ещё может произойти со мной в этом месте. Хочется кричать и плакать, бросится бежать при удобном случае. Только это невозможно. Я стиснута чужими телами и кажется, каждый из этих мужчин следит за мной.

Возможно, это только моё испуганное восприятие.

Музыка не заглушает голосов. Люди переговариваются, смеются. Они отдыхают.

Я повернулась к тому мужчине, который меня сюда привел, он кажется самым адекватным. Только у него на руках не сидит никто из девушек. Он никого не лапает, лишь пьёт, курит и разговаривает.

– Можно мне в туалет? – спросила я тихо.

Он прищурился, как будто я сказала что-то странное и необычное. Подозревает. Думает, я затаила какую-то хит-

рость и прошусь в туалет, чтобы попытаться сбежать.

– Пошли, – он встал, я за ним.

Мы вышли. Снова проследовали по полутемным коридорам. Не в ту сторону, куда ходят все из клуба, а вглубь служебных помещений на втором этаже.

– Давай, иди. И без глупостей. Поняла? – указал он на черную дверь.

Я кивнула, вошла. Сначала небольшая, квадратная комната с рукомойником, дальше дверь в туалет. Там есть окно, вверху, над унитазом.

Вот это удача. Я увидела окно и обрадовалась. Можно попробовать выбраться. Хорошо если окно выходит не на отвесную стену.

Я встала на крышку унитаза, дернула пластиковую ручку, окно открылось. Теперь нужно дотянуться и попробовать выглянуть. Хотя, в темноте я вряд-ли что рассмотрю. На улице давно темень. Может, там есть фонарь.

Я встала на сливной бочок, схватилась руками за край окна, уже хотела подтянуться, когда сзади что-то стукнуло, кто-то крепко схватил меня за ногу.

– Проблемы? – услышала ненавистный бас. – Куда собралась, Цветочек?

Глава 6

Отымевав очередную шлюху я немного протрезвел и утих. Опустошив яйца, успокоился. Натянул джинсы, кинул девке сотню баксов.

– Пошла отсюда.

– Спасибо, – он взяла сотку и свалила в туман.

Я вышел из комнаты, потопал по темному коридору, когда увидел Макса, стоящего у двери нужника.

– Поссать захотел?

– Да нет, малышку стерегу, – говорит, ковыряясь ногтем в ухе.

– Какую? – скривился я.

– Ну эту, которую мы сегодня взяли у чела, ну тот, что проиграл свою старую, – поясняет Макс.

Я почухал затылок.

– Ах, бля сука, я про нее уже и забыл. Геморрой сука на мою голову.

Вечерами сучки перед глазами мельтешат. Не запоминаю.

– Как забыл? Ты только что ее чпокнуть собирался? – всматривается в моё лицо Макс, ищет признаки неадвакта.

Точно, за хорошим трахом неудачи забываются.

– Ой бля, чё-то правда, сука, устал. Коньячелло термо-ядерный...

– Ну, ты даёшь, Булат, по синьке чуть девку не испортил, –

нахмурился Макс.

– Ой, да я тебя умоляю, – отмахнулся я, ещё не хватало мне с какими-то мокрощелками возиться.

– Она блять, девственница оказалась, сейчас блять было бы...

– Чё блять, она девственница, а я ещё тупо думаю, чего это она такая забитая, – усмехаюсь.

– Ну, знаешь, ты только клубных девок видишь. Ты на улицу днём выйди, посмотри, какие там девки, совсем не такие как клубные, – Макс опускает меня с небес на землю.

– Согласен, что-то я попутал немного. Опять Сэм набодяжил дури. Какую вообще хрень он нам подсовывает? У меня из башки всё нахрен вылетело, – хмурюсь, пытаюсь вспомнить, что было час назад.

– Булат, послушай меня, брат, ты в себя много заливаешь, пора завязывать с синькой и дурью, – вижу, заботится.

– И не говори, – тряхнул я головой, прогоняя остатки дурмана. – Перепутал приличную девку со шлюхами. Так она там сейчас? А что за звук, – указал на дверь туалета.

Мы с Максом прислушались, за дверью, как будто рама оконная скрипнула открываясь.

Не раздумывая, я взялся за ручку, дёрнул дверь.

Ну конечно, деваха бедолжная встала на сливной бочек и в окно уже собралась сунуться. Вижу её худые стройные ножки, даже усмехнулся от такого жалкого зрелища.

Она повернулась, уставилась на меня, как будто монстра

увидела, глазёнки от страха выпучила.

– Спускайся, – говорю спокойно. Пока.

– Не, – испуганно мотает головой.

– Чё? Давай быстро, а то сейчас сам спущу, тогда не жалуйся, – уже угрожающе.

Не люблю, когда мне девки не повинуются. Это как-то противоестественно.

Она поняла, что дальше будет хуже и в окно сигать передумала. И куда там сигать, второй этаж отвесная стена, там даже с подготовкой нужно знать, как прыгать.

Малышка наступила на унитаз. Спрыгнула на пол. Я подошел, положил ей на плечо руку, отчего девка сильно вздрогнула.

– Говорю один раз, если ещё раз такое увижу, пожалеешь что на свет родилась, андестент?

Она опустила взгляд, кивнула.

– Я за тобой бегать не буду, сразу мамашу твою сюда притащу, а ей тут будет во много раз хуже, чем тебе. Усекла?

Девка кивнула, губы сжала, слеза по щеке потекла. На меня это никак не действует, все эти сопли и слёзы. Похер вообще.

– Ну, вот и отлично, пошли, – вышел я из нужника.

– Куда? – испуганно остановилась.

– Минет мне сделаешь.

Она сжалась вся, отпряла в угол туалета.

– Да шучу я. Вот блять, попалась целка, теперь носиться.

Давай за мной, не бойся, член я тебе в рот потом засуну, когда твой папка денег мне не отдаст. Вот тогда ты у меня на хую повертись.

Она смотрю губы сжала, руками себя обхватила, уже рыдает.

– Короче Макс, веди ее. Мне чёта уже разговаривать надоело, что ни скажу, всё не нравится. Сука! Да ты должна мне ботинки целовать, что от идиота папаши тебя забрал. Ещё немного, он и тебя бы на кон поставил, а так, ты типа, свободна. Только уйти не можешь. Типа заложница.

Я повернулся и пошел, надоело рассматривать ее плаксивое лицо. Хоть и хорошенькое, но слегка не в моем вкусе. Я люблю, чтоб девка сиськатая и губатая, чтоб рабочий рот и дойки упругие. А это что, маленькая, бледная и с дойками что-то делать надо, там первый, максимум второй. Я не любитель. Сам не пойму и чего я к ней полез.

Совсем в голове смешалось.

—

Он говорит и каждое слово во мне громом отдается. Слово, и я вздрагиваю, вижу его взгляд, он бродит по мне. Останавливается на груди, на ногах, на лице и суровое выражение меняется на мерзкое пренебрежительное.

От страха глотаю воздух, чуть не поперхнулась.

Когда он протянул ко мне руку, отшатнулась назад.

И самое неприятное, что он как-то действует на меня. Весь его вид, голос, брезгливое, злое выражение на лице. От него веет опасностью. А от огромной фигуры, мощью способной снести, убить, разорвать на клочки, раздробить безжалостно.

Конечно я боюсь, очень боюсь.

Он резко развернулся, раздражённо хмыкнул, сказал Макс, чтобы он за мной присматривал и исчез за поворотом.

Только тогда я выдохнула.

– Пошли, – сказал Макс.

– Я в туалет не ходила.

– Твою мать, ты что издеваешься. Иди. Только я теперь буду под дверью стоять и слушать. Нет, даже, дверь не закрывай.

– Я так не могу, – глянула я исподлобья, понимаю, он мне теперь не доверяет.

– Учись. Тебя никто не спрашивает. Если сбежишь, Булат меня с гамном смешает. Садись, я сказал! – возмущённо прикрикнул Макс.

Я быстро подняла платье и встала над унитазом, так чтобы не касаться. Сделала дело, натянула трусы.

– Ох, блять, где ты взялась. Пошли, – выдохнул он недовольно.

Глава 7

В третий раз мы вернулись в комнату с мужиками и девушками. Атмосфера уже более серьёзная. Мужчины что-то активно обсуждают.

Когда я вошла несколько человек посмотрели на меня и отвернулись, и только один надолго задержал взгляд. Булат смотрит косо исподлобья. Кажется, он совсем протрезвел.

– Короче... – сказал и замолчал, осматривая платье, которое мне пришлось надеть, – эти уроды не собираются платить...? – и снова пауза.

Не знаю, что так его привлекло в моём виде.

Макс, вошедший следом подтолкнул меня к дивану. Я прошла, быстро села, чтобы вынырнуть из-под взгляда Булата. Только он не оторвался, все ещё смотрит.

– Какого хрена ты ее сюда притащил? – рыкнул басом, тёмными глазами глядя на мои плечи, спускаясь взглядом на грудь.

Я смутилась, испуганно глянула на Макса. Наверное в моих глазах он увидел крик – спасите.

– А куда её? – рассеяно спрашивает он.

– Закрой в офисе, – мотнул головой Булат, сделал знак Макс, – она уже чуть не сбежала, нахрена ты с ней носишься.

– Окей, пошли, – Макс встал.

Я тоже встала и пошла за ним, когда штора опускалась, я ненамеренно обернулась и поймала на себе злой, сосредоточенный взгляд.

Снова куда-то идём по тёмному коридору.

– Извини, он приказал, я должен подчиняться, – Макс открыл передо мной темную дверь так называемого офиса.

– Тут темно, – говорю, ступив один шаг в темноту.

– Придется тебе посидеть в темноте, – улыбнулся мужчина недобро.

Делать нечего, я безропотно вошла в темную комнату. Дверь сразу закрылась.

Это и есть так называемый офис?

Не понимаю, зачем меня тут закрывать.

Тронула пальцами стену, она кажется мягкой, немного бархатистой. Что за странные стены. Сделала пару шагов. Всё та же приятная на ощупь стена. Наконец что-то нащупала. Провела рукой по планке планка и тут же пальцы наткнулись на что-то холодное. Звякнуло железо, я отдернула руку. Потом снова потянулась, потрогала – это цепь.

Леденящий ужас начал охватывать тело. Я быстро отошла в ту сторону, где, как мне казалось, была дверь, но наткнулась на что-то ногой, наклонилась, тронула. Это что-то типа кушетки или дивана. Я села. Не стоять же все это время. Пощупала в сторону. Тут можно лечь. Я устала за сегодня, и уже клонит в сон. Волнение и страх которые испытала, забрали из меня все силы. Не будет ничего страшного, если я лягу.

Возможно, они закрыли меня до утра, тогда чего сидеть.

Я легла на кушетку, подложила ладони под голову, закрыла глаза. Сразу представился Булат. Не понимаю почему. Вроде бы этот человек должен отталкивать, но я думаю о нем, о его широкой груди и руках которые трогали меня. В первый раз в жизни меня вот так откровенно трогал мужчина...

Нет, я не должна думать о нем в таком ключе. Он мерзкий тип, ненавистный.

Сильнее сжала веки.

Только закрыла сильнее глаза и постаралась выкинуть его из головы, как дверь с шумом открылась. В проёме оказалась огромная фигура крепкого мужика.

– Целка значит? А вот это уже интересно, – сказал он негромко, щёлкнул выключателем и комната осветилась тусклым красно-синим светом, преобразующим восприятие и образы.

Булат закрыл дверь и сразу стал похож на сине-красного монстра, большого и беспощадного. С немигающим, мутным взглядом, тёмной бородой, бычьей шеей. В натянутой на груди футболке пугающие бугры мышц показывающее всю мощь этого человека. Он может одной рукой прибить, если у него появится такое желание.

Пока же в его глазах, я вижу совсем другое желание и от этого становится ещё страшнее. В животе сжимается комок жуткого ужаса.

Успела предположить, что он потерял ко мне интерес и больше не станет лезть, но я ошиблась. Он пришёл сюда сейчас, явно не для того, чтобы поговорить.

Тогда для чего?

– Что вам от меня нужно? – испуганно села, отодвигаюсь.

– Мне нужно, чтобы ты поняла, деточка, что твой папка не в состоянии выкупить ни тебя, ни всё что он проиграл, – говорит, как-то даже снисходительно глядя на меня, как будто ему уже всё ясно.

– Раньше вы говорили, что меня он не проигрывал? – стараюсь сохранять спокойствие, насколько это вообще возможно.

– Тебя – нет, а твою мамашу – да. Ты тут за нее отрабатываешь, – прошел вдоль стены, и теперь я четко увидела на стене прикручено кольцо с цепью.

Булат тронул его, как бы невзначай, цепь лязгнула, от этого звука внутри у меня всё затрепетало. Я сглотнула, почему-то представив, что меня сейчас обмотают цепью.

– Это бред какой-то. Человека нельзя проиграть, – говорю упрямо, понимая, что прямо сейчас, сама подвожу к тому моменту, когда этот человек перестанет быть спокойным.

– Тебе показать расписку? – прищурился, не ожидал, что я буду возражать.

– Покажите.

Он полез в карман, достал лист бумаги, развернул его и показал мне. Я протянула руку, но Булат отдернул лист.

– Встань и прочитай.

Я встала с кушетки, подошла к нему, в неровном свете странных ламп начала читать. Чем дальше я прочла слова написанные рукой папы, тем сильнее расплывается у меня в глазах от набегающих слез. Я вытерла один глаз кулаком. Булат смотрит, как я пытаюсь сдерживать слёзы, тру глаза.

– Сейчас предлагаю тебе отработать первый день за твою мамашу, – говорит совершенно спокойно.

– Что я должна делать? – спрашиваю, логично предполагая, сейчас пошлёт меня убирать в зале, или на кухню мыть посуду. Я готова отработать за маму, раз так надо.

– Ты должна отсосать мой член, – сказал Булат насмешливо.

Слёзы застилают мои глаза. Я шмыгнула носом, закусила губу, не веря, что такое происходит со мной.

– Я не могу, – оттираю ладонями потоки слёз.

– Не интересуется, не можешь – научишься, – бесстрастно ухмыльнулся Булат.

– Я могу убирать, мыть посуду, всё что угодно... – всхлипываю.

– Мне это не нужно, для этого есть старые тётки.

– Но маму, вы бы заставили что делать? – сопротивляюсь из последних сил.

– Убирать и мыть посуду. Я же не извращенец, чтобы трахать старых тёток.

– Почему тогда я должна делать что-то другое?

– Слушай малышка, тебе не кажется, что это я тут указываю, кто и что должен делать.

– Вы понимаете...

– Давай так, ты делаешь мне минет, а я считаю, что твоя мать свободна и отдаю расписку на мать.

– Папа отдаст вам деньги, – сжимаю губы, чувствую как это неправильно и несправедливо.

– Твой папа ничего не отдаст, не мечтай, – усмехается мерзкой улыбочкой.

– А если, завтра утром он отдаст...

– Слишком много разговариваешь, а у меня член встаёт когда я смотрю на твои губы, – он схватил меня за подбородок, сдавил его, – Смотри, вот – расписка, а вот – мой член. Выбирай, – он отпустил меня и расстегнул пуговицу на джинсах.

Стою перед ним, дорожу. Я должна решить, что мне важнее, взять в рот его мерзкий член или освободить от долга мою маму. Взять в рот – это ужасно, но стоит ли того, чтобы сопротивляться, когда на кону стоит свобода моей мамы.

– Ну... долго думаешь. Я жду, – говорит нетерпеливым басом.

– Это – низко, так унижать людей, – слёзы по моим щекам льются ручьём, не прекращаясь.

– Похер, я унижаю тех, кто сам этого хочет.

– Я – не хочу!

– За тебя решили. Так ты будешь, или я пошёл? – свернул

расписку и суёт в карман.

– Ладно... я согласна. Давайте сюда расписку, – протянула руку.

– Сначала отсоси, – ухмыляется. – Иди сюда и становись на колени.

Я всхлипнула. Делать нечего, придется брать в рот его огромный, мерзкий член.

Подхожу, вдыхаю запах мужчины. Сейчас на мне много разных запахов – клуба, алкоголя, табака, но на мне нет запаха мужчины. Как только я возьму в рот его член, он навсегда останется во мне, этот вульгарный опьяняющий аромат мужского... члена.

Я не ханжа и знаю, что такое минет. И понимаю, этот гоблин сделает все, чтобы его чёртово семя осталось в моем горле. Я должна это выдержать, не знаю как, но должна.

Тут у них другая валюта, другие средства расплаты по долгам. Булат требует от меня почти невозможного, но я смогу, ради моей семьи, я выдержу...

Медленно опустилась на колени.

– Расстёгивай, – приказывает басом.

Я начинаю расстёгивать пуговицы на его джинсах.

Глава 8

Он так близко, я уже ощущаю запах его геля для душа. Пуговица за пуговицей, кончиками пальцев, касаюсь джинсов Булата. В полумраке вижу, за тканью большой бугор.

– Смелее, я понимаю, что ты целка, но мне честно похер. Не люблю целок. Это особая категория девок. Не моя любимая. Я бы может и не трогал тебя, но что-то захотелось реально, чтобы твой сука папаша зашевелился. Не люблю ждать, – говорит, наблюдая сверху за моими несмелыми манипуляциями.

Дрожащими пальцами я стянула с него джинсы. Немного, только с бедер сумела стянуть.

– Доставай его, – слышу сверху, а сама уставилась на выпученную ткань трусов.

Вот сейчас мои руки сильно затряслись.

– Давай быстрее, не тяни.

Оттягиваю черную резинку белых трусов и в страхе смотрю на то, что показалось перед моими глазами. Толстый ствол, увитый венами, в полутьме кажется чем-то нереальным. Я судорожно сглотнула, буквально оторопела от увиденного.

– Детка я понимаю, ты не каждый день такое видишь, ты слегка охуела. Поторопись алё, я теряю терпение. Десять минут работы ртом и ты начинаешь свой путь к свободе. Бе-

ри его не бойся, он тебя не укусит. Он большой, но безобидный, – оскалился амбал своей тупой шутке.

Он совсем не понимает моего состояния, каково мне сейчас, в первый раз в жизни видеть перед глазами подобное чудовище.

Когда он это сказал, я обхватила пальцами его член и они сразу перестали дрожать.

– Открывай рот, обхвати его плотно губами, только не губами, – предупреждает, – Я что должен тебя учить? Малышка, это должно в тебе быть природой заложено, сосать мужской член.

– Я не могу, – произношу рвано вздохнув.

Не могу представить, что вот это сейчас заполнит мой рот.

– Вот блять, я хотел как лучше, – он положил мощную ладонь мне на голову, – Открывай рот, не выёбываться. Пока я добрый, у тебя неделя есть поиздеваться надо мной, потом пойдёшь, куда и все. Если я своих денег не получу.

Пришлось подчиняться, я приоткрыла рот и сразу туда запихнулось что-то мягкое и вместе с тем твердое.

Не скажу, что прям сразу стало гадко чувствовать, зачем позволяю с собой такое делать. Просто я реально понимаю – выбора у меня нет и не скоро появится.

– Вот так, чего было ломаться, вообще не понимаю. Отсосала и пошла спать делов-то, – говорит довольно, запихивая раз за разом мне в рот свою огромную штукювину. – Да, вот так, детка, отлично. Соси, – стонет, толкая на член мою

голову.

Пальцы его между моими волосами сжимают их, делая больно, приходится сосать его вздыбленный член. Это мука для меня. Неизвестно когда она закончится, остаётся только ждать.

Надеюсь, скоро он отпустит. Каждая секунда кажется вечностью. Сводит челюсть, болят губы, затекли колени. Сколько ещё?

Резко стало хуже. Булат с силой надавливает, начинает сильнее дергаться, и я чувствую, как мне в рот приснуло что-то солоновато-сладкое и неприятное. Захотелось поскорее освободиться, но крепкая пятерня амбала не даёт сделать этого.

В страхе что захлебнусь или задохнусь, я упёрлась в волосатые ноги, попыталась оттолкнуть, слезы брызнули из глаз. Только сейчас включилась запоздалая отвага, почему я обязана это терпеть?

– Тихо, тихо, сука, сейчас... – застонал он, задрал голову кверху, – о-о, так... сука, хор-р-ошо.

Он отпустил, я оттолкнулась, упала рядом и начала быстро дышать, схватившись за горло, пытаюсь поскорее избавиться от того, что попало мне в рот, пусть даже глотнув.

Мерзкое ощущение, осознание, только что я делала отвратительное и гадкое. Захотелось помыться, окунуться в ванную с головой и лежать, там забывшись и забыть навсегда то, что я только что сотворила.

– Молодец. Первый урок почти усвоила. Ещё пара-тройка минетов и не будешь отставать от наших шлюх.

– Я не стану этого больше делать, – процедила я сквозь зубы, с ненавистью глядя на амбала застёгивающего джинсы.

– Да кто тебя спросит, – коряво усмехнулся он, достал из кармана расписку и кинул на пол, – Скажи спасибо, что я уже сейчас не отправил тебя обрабатывать.

Он повернулся и пошел к выходу. Когда дверь за ним закрылась, я села подтянула колени и обхватила руками. Сажу на полу, смотрю в стену. Мерзкое чувство гадливости охватило меня. Что ещё будет делать со мной этот человек, не хочу даже представлять.

—

В первый раз вижу девку, которая не хочет делать минет. Я что-то пропустил сидя в своей тёмной берлоге или как? Света белого не вижу. Это девки деградируют или я? Что происходит с людьми.

Вышел из випа. Пошёл к себе, наверх. Макс идёт навстречу.

– Присмотри за малышкой, она немного в шоке от размера моего члена, – усмехаюсь довольно.

– Ты что её чпокнул?

– Нет, в рот сунул, – типа оправдываюсь.

– Во бля, нахуя ты девку эту трогаешь? – Макс недоволен.

Он единственный кто может быть таким недовольным. Иногда, когда меня заносит и я загоняюсь, он ставит меня обратно на то место, откуда я порой соскакиваю, то ли от синьки, то ли от переключателя в моей голове. Когда он срабатывает, всё, я себя не контролирую.

– Не растает, я же не девственности ее лишил. Ну отсосала, ну и что, – говорю спокойно.

– Блять, Булат имей совесть! – возмущён Макс.

– Ты блять о чем сейчас, братишка, – развернулся, взял его за шею и прижал к стене. – О какой сука совести речь, а?

– Все, я понял, – пытается выбраться из моего захвата.

– Нихуя ты не понял, – припечатал я Макса. – Ты меня уму разуму учить собрался? Сам забыл, из какого говна я тебя выковыривал, забыл? – потряхнул посильнее.

– Я помню и благодарен тебе, – сурово смотрит в глаза.

– Так вот иди и стереги мне эту малышку, как зеницу ока. А когда я захочу ее трахнуть, я приду и трахну и не посмотрю, кто ее сука папаша, – приблизил своё лицо, со злостью заглядываю в его глаза.

– Я понял, – гневно дышит мне в лицо.

Я отпустил. Иногда так и сводит пальцы, хочется кого-то придушить, нечаянно.

Пошёл дальше. К себе вошел в апартаменты.

– Сука, он меня ещё учить будет, – процедил сердито, но сам понимаю, Макс прав.

Снял с себя одежду, пошёл в душ. Синька давно выветри-

лись, стою, втыкаю и невольно малышку вспоминаю.

Сколько лет у меня в употреблении девки другого сорта. Я привык и не замечал в чем разница. А сегодня, увидев эту маленькую сучку в её блять белой ночнушке, охренел сперва слегка. Не понял что за херня, откуда взялась такая, вот даже не знаю, как сказать, невинная что-ли. Нихрена не пойму, какого сука хрена я вцепился в нее там, у Зуева в квартире. Когда она выскочила из-за шторы и бросилась к матери, я в первый момент реально слегка подахуел.

Потом конечно жадность моя восторжествовала над удивленным и поэтому потянул девку за собой.

Я мог и ту суку, жену Зуева, не брать, не сильно она тут и нужна была. Но малышку уже не мог не взять. Слишком она чистенькая, хорошенькая. А я таких не видел никогда. Захотелось рассмотреть поближе. Пощупать пальцами, удостовериться в том, что у неё там, под одеждой, как у всех остальных шлюх.

Зря я конечно с минетом к ней полез. Что поделаешь, прёт из меня эта херня, ненавижу сука, когда выкабениваются.

Вот блять!

Ну да ладно. Не с той стороны подъехал. Давно уже не привык подъезжать. Я просто беру то, что мне нравится. А эта маленькая сучка, кажется, реально понравилась мне.

Вышел из-под душа, оттерся полотенцем и пошёл на кровать. Упал, как есть голый, веки сомкнул. Все, сплю...

Глава 9

Сначала я сидела сжавшись, обхватив себя руками, подрагивая от звуков извне.

Сегодня я поняла одну вещь – как непредсказуема и жестока жизнь. Только вот недавно я была маленькой девочкой, маминной и папиной любимой доченькой, играла в куклы, выбирала в дорогом бутике розовые кроссовочки со стразами и юбочки с рюшиками как у принцесс... и вот уже, сижу на полу в какой-то комнате, где мерещится страх и ужас, где в любой момент может войти мужчина и потребовать от меня сделать отвратительные вещи.

Слёзы давно высохли, я устала сидеть на полу и начала вставать. Затёкшие ноги, стали слабыми, я сделала шаг, села на кушетку. Тусклый свет всё ещё горит, вижу стены пол и потолок, всё тёмное, словно бархатное. Создаётся впечатление небольшого пространства, хоть комната не такая уж маленькая. Для чего нужна такая комната, если не для того, чтобы совершать в ней что-то постыдное, унижительное, мерзкое, извращённое.

Не хочу тут быть, но у меня нет выбора. Ничего не могу изменить, я в тупике, я закрыта и меня тут будут...

Послышался звук открываемого замка. Я испуганно встала и зашла за кушетку, это не поможет, но мало ли. Вошел Макс, посмотрел на меня, кажется даже сочувственно.

– Как ты? – положил пакет на кушетку, – вот, поешь тебе принёс.

– Когда меня выпустят?

– Я этого не знаю.

– Вы не имеете права меня тут удерживать. Это похищение, сюда придёт полиция, – говорю смелее, глядя на его спокойствие. Он явно не такой как тот Булат, он адекватный, а тот нет.

– Что я могу сказать, всё зависит от твоего отца. Вот он сейчас глянет видео и, наверное, подсуетится, быстрее задвигается. Не хочет же он, чтобы его малышку тут толпа голых мужиков трахнула по кругу.

– Вы о чём, – я обхватила себя руками, вжалась в спинку дивана, – какое видео?

– Не бойся, твоего лица там почти не видно, только вначале...

Меня снова начало потряхивать, тошнота подкатила к горлу, от того, что я сейчас представила.

– Вы что снимали на видео? – произношу беззвучно.

– А как ты думала долги выбивать, любыми доступными средствами. Обычно на этом этапе родственники начинают быстрее суетиться и доставать бабки.

Я закрыла лицо руками.

– Вы... вы... преступники... мерзкие люди...

– Ну, ну, скажи спасибо, что с тобой пока ещё по-хорошему...

– Вы считаете... – хотела возмутиться.

– Ну всё! – резко сказал он, – Заткнулась!

Я испуганно раскрыла глаза, за секунду из спокойного и доброго он превратился в очень злого, лицо его исказило злой гримасой и я решила не спорить дальше, потому что почувствовала от него опасность ещё большую, чем от Булата. Тут совсем другое, тут взгляд маньяка или убийцы, кого угодно, только этот точно не будет насиловать, он просто достанет нож и перережет горло, вот что я почувствовала в выражении его лица.

Он увидел, что я увидела его вторую сущность и отошел к двери.

– Ладно, поешь и спать ложись. Приду только утром.

– Мне нужно в душ, – говорю с надеждой и тихо, чтобы не раздражать его.

Если не помоюсь, то всё время в нос будет бить запах, который никуда не делся, он теперь на мне. И я хочу от него избавиться.

– Ты серьёзно?

Я осеклась, глядя на него. Лучше его тоже не злить.

– А если я захочу в туалет?

Он растянул губы в улыбке.

– Постучишь в дверь, я найду клиента, который любит, чтобы на него поссали.

И снова испуг.

– Шучу. Вон кнопка, – указал он на кнопку, типа как зво-

нок на двери, только изнутри, – если что-то надо нажимаю, но очень прошу – нажимаю по делу. Не зли меня, у меня и так из-за тебя проблемы.

Я кивнула. Он ещё раз осмотрел меня долгим, зависшим взглядом, повернулся, открыл дверь и вышел. Только спустя минуту я подошла к пакету. Открыла. Там гамбургер бутылка воды и салфетки.

—

Дверь хлопнула о стену. Я раскрыл глаза, смотрю в распахнутое окно, только в перевернутом виде. Спал в непонятной позе, практически со свисшей с кровати головой.

– Сука, какого... – прохрипел, глядя на вошедших.

Лёха и Макс вошли в комнату.

– Булат, вставай у нас походу проблемы...

– Какого хрена? – я провел рукой по лицу.

В башке непонятное после вчерашней попойки, с трудом вспомнил некоторые моменты вчерашнего вечера и они, как и всегда мне не понравились. Снова давал всем просратья.

– Зуев кони отбросил, – выпучив на меня глаза, говорит Макс.

– В смысле, – не успел я ещё растереть нормально лицо, глянул исподлобья.

– В прямом, он, когда видос этот увидел, схватился за грудь. Мамка заорала как резанная, он упал прямо нам под

ноги. Начал по полу кататься, как от передоза, ну мы и свалили потихому, чтобы не отсвечивать.

– Сука, вот же сука, – говорю и сразу передо мной возникло лицо крошки, которая мне вчера отсасывала. Обычная практика, снять на камеру отсос, показать родственникам, пугнуть, мол, дальше будет больше. И всё, мои бабки спокойно плывут мне в руки.

– А вот на такое я вообще не подписывался. Что не утро, то какая-то херня, – озадаченно тру подбородок.

– Кто же знал, что он такой хилый этот Зуев окажется, – Лёха чешет нос.

Настоявший дегенерат. Кто на меня работает? Одни дебилы и уёбки.

– Так он кекнул или что? – допытываюсь.

– А хер его знает, – говорит Лёха, переглядываясь с Максом.

– Вы придурки? Так нужно было выяснить, сука! Вам что объяснить, или я сам должен это узнавать? Я вам за что бабки сука плачу! – злобно цежу слова.

Поднялся с кровати и как есть, голый, стою блять перед ними.

– Пошли отсюда, и узнайте подробности. Охренеть, – я пошел к шкафу за трусами, достал и начал надевать.

Поворачиваюсь, они ещё стоят.

– Какого вы моей жопой любуетесь, педики хреновы, идите, выясняйте постанову.

Они повернулись и пошли на выход, Макс обиженно хлопнул дверью.

Я встал посреди комнаты руки по бокам упер, шею потянул.

– Охренеть, сука, – сказал, пытаюсь в голове сделать новую расстановку по данной ситуации. – Это кто же мне теперь будет бабки возвращать?

Раздраженно дергая, натянул джинсы, футболку и пошел вниз.

Глава 10

Спустился вниз к бару.

– Плесни, – сказал пересохшими губами малому за стойкой.

Наняли какого-то шкета, сказали, что он типа крутой бармен. Ладно, поверил, когда увидел, как он водяру за две секунды в пятьдесят рюмок наливает. Вот это я понимаю талант. Пусть будет.

Он плеснул в рюмку водки. Я протянул руку. Знаю, сейчас выпью и сразу полегчает. Лучше так, чем весь день с большой башкой ходить. Чтоб я так жил. Вот каждый раз обещаю себе без фанатизма и каждый раз на утро больная башка. Пока мозги на место встанут, полдня пройдёт, а водяры хлопнул с размаху и сразу ничего так, всё понятно и даже слишком. Мой трезвый ум слишком умный. Тогда я начинаю понимать, какой херни наделал вечером накануне.

Тяну короче руку, беру стопку, опрокидываю в горло и сразу чувствую, сейчас полегчает. Только в голове начало проясняться, слышу, шум, суета у входа. Мужики охрана вбегают с выпученными глазами. Пересрали чего-то. За ними не иначе спецназ. Охренеть.

– Легавые, – маякует Лёха.

– Еёпта, какого... – не успел договорить, входят, нет, вбегают люди черном и не в черном, в разном короче, всех не

разобрать.

Вообще не понял, по какому поводу банкет.

– Все на пол! На пол, я сказал! – пронзительно кричит один.

– Какой на пол, парни, вы о чём? – задаю обычный вопрос.

– На пол Шах! Быстро, я к тебе обращаюсь! – один сразу ко мне, пушку наставил. Главный походу. Лица не видно за маской, голос незнакомый.

– Всё, я понял, – хоть вообще нихрена не понял.

Где я и где пол. Нормально?

Вытягиваю руки становлюсь на колени ложусь мордой в пол.

– Могу я узнать по какому поводу...

– Сейчас узнаешь! Обыскать тут всё! Ну, всё Шах, ты себе на двадцатку вчера нагулял.

– Та в чём дело? Я вообще ни при делах, начальник, ты верно, что-то перепутал, – он реально попутал понятия.

– Сейчас ты у меня что-то перепутаешь, заткнись лучше не усугубляй. Давайте парни найдите её! – махнул своим в масках.

– Да кого вы ищите? Меня спроси, может сам скажу, – смотрю на парней своих, лежат мордами в пол, кривятся.

– Не волнуйся, сейчас ты нам много чего скажешь о своих делишках, Шах. Вот в этот раз точно дорога у тебя на зону.

– Охренеть. Нет, нормально. Я законопослушный гражданин, если вы не знали. Не привлекался и не собираюсь, – го-

ворю спокойно, но про двадцатку это он хорошо придумал, зашекотало под ложечкой.

Топот ног по пустому клубу, во все стороны. Я зыркнул на Макса, тот на меня вообще не смотрит.

И тут я вспоминаю резко, какого хера вообще они сюда припёрлись, неужели малышку Зуева ищут. Вот и проверим, как наша тайная комната работает. Я притих.

Послышался недовольный ропот девок, их вывели со второго этажа из кабинетов. От клиентов, можно сказать, оторвали.

– Руки убрал! – крик Саны, моей личной шлюхи. – Шах, какого хрена, они нас лапают?!

– Эй, уберите руки, или заплатите! – недовольна другая девка.

Я усмехнулся в пол.

– Не их случайно ищите, мужики? – скалюсь, заложив руки за голову, как и велели, – Вы это зря затеяли. Я ведь такого не прощаю, – говорю уже серьёзно.

Полчаса я валялся на полу как идиот, пока они шманали клуб. Наконец все вернулись.

– Ну что, нашли что-нибудь? – усмехаюсь самодовольно.

Хотя честно удивлён, что малышка не проявила себя, у неё был такой шанс.

– Больше никого, – говорит человек в балаклаве, тому что старший.

Наверное новый, не знает ещё, что меня руками трогать

чревато для здоровья и вообще.

– Как никого? – удивился главный.

– Никого.

– А вы кого искали? – усмехаюсь с пола.

– Ладно, пошли, – махнул рукой главный и все тихо начали сваливать.

Мужики в черном ушли из клуба, оставив в недоумении бармена и шлюх, но конечно не меня, не Макса и не Лёху.

—

Показалось, или по коридору кто-то ходит. Тяжелые шаги. Несколько человек прошло мимо комнаты, где я сижу. Притаилась, не хочу, чтобы они открыли эту дверь. Слова Макса о толпе мужиков очень испугали и теперь я всё время прислушиваюсь и жду.

Боюсь. Вдруг идут за мной.

Вроде затихло всё, я выдохнула. Не знаешь чего и ждать от этих людей. У них явно всё куплено. Они могут даже убить.

Лучше сидеть тихо и делать то, что говорят. Если начну показывать капризы, не дай бог прибьют или ещё хуже. Как он сказал, отрабатывать заставит и это совсем не мыть посуду, а что-то другое. Осознаю, о чём он говорит, но не могу представить, как я буду это делать.

Страшно. Дрожу от каждого звука, от каждого шага за

дверью.

Часы идут, а ничего не происходит, может обо мне забыли. Пора бы и в туалет. Терплю уже на последних стадиях, скоро не выдержу.

Подошла к двери прислушалась. Тишина. На тёмную кнопку сбоку нужно нажать, а страшно. Так что же мне тут усыкаться что ли?

Нажала на кнопку и испуганно замерла, жду, что будет дальше. Тишина в ответ.

Ещё раз нажала... слышу тяжелые шаги...

—

После облавы выехал я в одно место, узнал подробности визита мусоров. Оказывается, Зуева жена, подала заявку в мусарню, типа её дочь похитили и держат в заложницах. Тогда как у самого Зуева, после того как мужики к нему с видосом сходили, случился инфаркт, и он тяжёлом состоянии в больничке лежит.

Мужики по точкам. Я по делам. Вернулись через пару часов на базу в клуб. Макса послал по одной небольшой работе. Сам поднялся к себе. Переоделся и пошел к пацанам в комнату охраны, глянуть на мониторах, что именно во время шмона происходило.

– Ну чё мужики всё записали? – сразу смотрю на несколько экранов.

– Булат, что делать, девка звонит уже полчаса, на толчок хочет, – повернулся Олег, внутренняя охрана, – она там подпрыгивает уже, а Макс сказал её не открывать.

– Ох, тыж блять, точно. Пойду, посмотрю.

Иду по коридору, слышу, малышка кулаками в дверь стучит и даже кричит.

– Откройте, я хочу в туалет! Гады! Подонки! Вы за это ответите!

Открываю дверь, девушка отпряла от двери. Влипла в стену, смотрит расширенными от страха глазами.

А я по ней взглядом вожу. На трезвый глаз, она ещё красивее, чем по пьянке. Сейчас я понял, что не ошибся. Она всё больше мне нравится и неважно, нравлюсь ли я ей.

– Чего орёшь? – спрашиваю, насмешливо осматривая её в танцевальном платье.

– Я хочу в туалет! – говорит, гордо подняв голову.

Смелая. И платье это ей почти к лицу.

Помню, тот номер девки танцевали. В гоу гоу девки все у нас накачанные, сочные с упругими задницами и сиськами. А эта худенькая, сиськи маленькие. Выглядит, как будто на малолетку сексуальное платье натянули. Но от этого она не стала выглядеть вульгарно, а скорее захотелось поскорее дурацкое платье снять, с этого хрупкого тела.

Вчера я хотел, но сука меня остановило, оказалось она ещё и целка. Сегодня другая расстановка. Папаша её инфарктный, бабло мне, как я понял, не скоро отдаст.

– Потерпеть не можешь? – рассматриваю лицо, сегодня оно какое-то по-новому симпатичное.

– Не могу, я всю ночь терпела, это издевательство над человеком. Если закрываете, то хоть ведро поставьте.

– Ещё не хватало нам вёдра тут после тебя таскать. Пошли.

Я кивнул в сторону двери, она не поверила, что так просто можно отсюда выйти.

Сразу ринулась за мной. Я пошел к нужнику, остановился, дверь толкнул.

– Заходи.

Она вошла и сразу, не глядя на меня, подняла юбку и села. Отворачиваюсь, но успел заметить бледную ногу до самого бедра. Сглотнул чего-то и медленно отвернулся.

Усмехнулся журчанию, что послышалась. Естественное не безобразно.

– Я всё, – услышал за спиной.

Поворачиваюсь, она вымыла руки, выходит. Только заметил, какая она маленькая. Обратил внимание на губы. Вчера особо не разбирался в их форме и размере, а сегодня увидел, у неё небольшой аккуратный рот, с чуть припухлыми губами. Видно всю ночь кусала их от страха неизвестности.

– Иди за мной, – говорю тоном, не терпящим неповиновения.

Пошел к лестнице наверх. Поднялись на третий, в мою берлогу. Нужно немного привести малышку в чувство, чтоб

не брыкалась в следующий раз.

Вошли в апартаменты, я прошел к стойке. Включил кофемашину, обернулся, стоит исподтишка рассматривает берлогу.

– Проходи, садись, – говорю равнодушно глянув.

Она конечно девка симпатичная, но не в моём вкусе. Я люблю соблазнительниц, а эта станет соблазнительницей лет эдак через десять, если не позже, судя по её по-детски испуганному взгляду и нервному подергиванию. Есть чего бояться. Походу, правда целка и совсем не миньетчица. Мужик у неё был всего один, я – вчера ночью.

– Кофе будешь? – спрашиваю гостеприимно как бы.

– Нет. Если можно воды.

Я налил из кулера воды, поставил на стойку.

Малышка стоит, не двигается, смотрит на воду, но не делает шаг, чтобы взять бокал и выпить.

– Не бойся, я не собираюсь тебя насиловать, – говорю, снова её разглядывая.

После этих слов она решилась, подошла к стойке, взяла стакан и начала пить не отрываясь. Сосредоточенно смотрю на белую шею, на горло, подбородок, впадину у ключицы, на тонкие пальцы.

Девчонка выпила всё до дна. Поставила стакан и снова отошла к двери.

– Присаживайся, – указал я на диван.

– Я постою.

– Как хочешь. Так вот, сегодня у твоего папаши случился приступ. Инфаркт кажется. Да точно.

– Что? – смотрит на меня своими глазёнками серыми, и даже жалко её стало в какой-то момент. Она сжалась, скривилась, сейчас заплачет.

– Так вот. Твой отец, должен мне много денег, а я не привык ждать и не привык терять бабки...

– Папа... – стонет она, схватилась за живот и ноги её начали подгибаться, пришлось подойти, взять подмышки сзади и усадить на диван.

– Ты меня слушаешь, эй, – я щёлкнул перед её носом пальцами, но она начала рыдать прямо на моём диване. – Фу, сука, ненавижу эти бабские сопли. Смотри, или ты сейчас заткнёшься и послушаешь, что я скажу, или я запру тебя снова на втором этаже и подожду пока ты успокоишься.

– Я слушаю, – закрыла она рот ладонью, из глаз текут слёзы и вся эта слякоть сейчас будет на моём диване, а я не для того итальянский диван из Милана сюда поставил, чтоб тёлки вытирали об него свои сопли.

Пришлось пойти в ванную, взять полотенце и кинуть малышке в руки.

– Так вот. Продолжаю. Твоя мамаша накатала заяву, что я тебя похитил и удерживаю. А значит, на меня могут открыть уголовное дело. Сечёшь, куда я веду?

Она кивнула.

– Ты понимаешь, о чём я?

– Да, вы боитесь, что на вас откроют дело, – говорит всхлипывая.

– Правильно. Поэтому мы сейчас вместе с тобой должны решить, что мы будем делать дальше. Что ты предлагаешь?

– Я... я... не знаю, – заикаясь говорит она.

– Нет, ну я могу, конечно, оставить тебя среди шлюх, работаешь, но тогда тебе придётся очень долго работать. Может лет пять пройдёт. Это если ты будешь работать бесплатно, понимаешь? Тебе только на бутерброды. Остальное в казну.

– Кем работать? Я не хочу работать шлюхой, – утирает тыльной стороной ладони покрасневший нос и новые слёзы потекли из глаз.

Я вздохнул.

– Ты не хочешь, а придётся, – твой папа не дал тебе другого выбора.

– Пожалуйста, прошу вас, я могу мыть посуду или убирать. Я могу убирать вашу квартиру, только не отдавайте меня в шлюхи. Я честно, я никому не скажу, буду честно работать, пожалуйста.

– Ну, вот опять, не надо мне тут убирать, а шлюхи нам всегда нужны. Свежая кровь для клиентов. Нужно разбавлять. А так как ты девственница, то мы вообще можем твой первый раз продать, я таким не занимался, но скажу Сане, она знает, что к чему. На новенькую всегда идёт клиент. Уже бабосов на десятку можно срубить. Это немного из долга, но

первый взнос. Сечёшь?

– Я не хочу быть шлюхой, – ноет она.

Честно, в первый раз со мной такое. Раньше вообще не заморачивался с девками, шлюхой значит шлюхой, а теперь стою ещё слушаю.

– Хорошо, тогда я возьму сюда твою мать. Хочешь так? Кто-то отрабатывать должен.

Молчит.

– Я отработаю, но только не шлюхой.

– Смотри, сейчас значит у нас с тобой такой расклад, я тебя отпускаю. Ненадолго, – она вцепилась в меня не верящим взглядом. – Ты идёшь домой, убеждаешь мамашу, чтобы забрала заявление. Потом сходишь проведать папашу, чтобы он увидел тебя и вера его окрепла, здоровье поправилось. Говоришь им утешительные слова и возвращаешься сюда, ко мне, – указываю на место впереди меня, – А я уже буду решать, как именно ты будешь отрабатывать.

Она перестала ныть. Уставилась на меня. Вижу как в маленьком мозгу уже строятся планы побега.

– Только учти, – озвучиваю свою любимую часть, если не вернёшься, сбежишь, мать спрячет тебя, или что-то типа того, – достаю волыну и ложу на стойку. Глаза малышки округлились, – папашу твоего замочу прямо в больничке, на аппаратах. Там мой человечек рядом с ним сейчас дежурит. Так что возвращайся скорее. А сейчас – свободна.

Она нахмурилась.

– Я могу идти?

– Да, давай. Даю тебе времени до вечера. А потом сама знаешь что, – киваю.

Пушку убираю в шкаф.

Малышка встала с дивана, подошла к двери, толкнула и вышла не оборачиваясь.

Глава 11

Чувство свободы мгновенно окрылило, я понеслась по коридору. Резко остановилась у лестницы. Стоп, тут везде камеры, видно как я тороплюсь уйти из этого ужасного места. Наверняка сейчас кто-то наблюдает за мной и усмехается моей торопливости.

Спустилась уже спокойнее. Прошла по пустому залу клуба к выходу. Вышел охранник из боковой двери, преградил мне путь.

– Куда собралась?

– Меня отпустили, – но сейчас уже чувствую, может это была шутка. Проверка.

Парень окинул меня насмешливым взглядом.

– Минуту, – взял рацию, нажал кнопку и сказал, – тут красавица желает выйти.

– Выпусти, – из рации голос, от которого меня бросает в дрожь.

– Проходи, – сказал парень и открыл засов снизу на массивной двери.

Из полумрака и искусственного света, из пугающего, ненавистного пространства, я шагнула в яркий солнечный день и даже зажмурилась от непривычки.

Из одного мира в другой. Из чужого, в мой мир. Сразу почувствовала себя намного лучше.

Пока я шурилась на солнце пытаюсь понять в какую сторону идти, к крыльцу подъехало авто стального цвета, водитель открыл дверь.

– Садись, отвезу тебя домой.

Я вспомнила, что у меня даже нет обыкновенной сотни, руки мои пусты, а бесплатно не повезут даже в автобусе. И тем более я не знаю где здесь остановка. Это очень отдалённый район города, в котором я никогда не была. А ещё клубное платье. В таком по городу не ходят, слишком оно вызывающе яркое. Пришлось подойти и сесть в машину. Пусть везут меня домой, если так хотят. Мысли о свободе снова смешались. Не в состоянии что-то толковое придумать, для своего избавления от этих людей, я решила, что когда приеду, мы с мамой вместе подумаем, как быть. Сейчас я просто затаилась.

Автомобиль отъехал от крыльца клуба, я не стала оборачиваться и смотреть назад. Не хочу даже допускать, что мне сюда придётся вернуться. Нужно постараться сделать так чтобы этого не случилось. А как сделать, ума не приложу.

Проехали по улицам города. Вскоре машина остановилась у парадного моего дома. Глянула на двери, представила, как я сейчас войду, что скажу матери. Вспомнила события этой страшной ночи. От волнения мои ладони похолодели. Потянулась пальцами, дёрнула, открыла дверь машины.

– Спасибо, – сказала водителю.

– Приеду за тобой вечером, в девять, – сказал он.

– Хорошо.

Так просто мужчина напомнил, что нужно возвращаться. Всё это какая-то страшная выдумка, наверное. Почему я должна туда вернуться?

Я вышла из машины, она сразу отъехала.

Стою перед домом, смотрю на наш балкон, позади шумит проспект. Всё как обычно, как тысячи раз, когда я приезжала из универа, выходила из машины и смотрела на наш балкон. Всё так, но уже по-другому.

Резко вспомнила, моё время ограничено и шагнула к парадному. Вошла в холл, поздоровавшись прошла мимо консьержки. Она осмотрела меня, подозрительно, хмуро. Скользнула недобрым взглядом по вызывающему цвету и покрою платья. Я не стала обращать внимание на этот осуждающий взгляд и пошла дальше. На лифте поднялась на пятый.

Перед квартирой остановилась, прислушалась, внутри тихо. Я постучала, не стала нажимать на кнопку домофона. Повернулась, посмотрела в камеру. Сразу раздался щелчок, дверь распахнулась, на пороге мама.

Не веря в происходящее она приложила руки к лицу.

– Господи, доченька... – бросилась ко мне.

Я обхватила её, а она меня. Плачем, обнимаем друг друга, стискиваем в объятьях. Не помню, чтобы когда-то я обнимала вот так свою мать.

– Не верю, неужели это правда! Ты здесь! Боже, я всю ночь

молилась, чтобы он вернул тебя и он услышал! Главное, что ты вернулась, ничего мне больше не нужно, ничего! – торопливо целует моё лицо.

– Пойдём, – тяну её в квартиру.

Мы вошли, закрыли дверь. Мама не отпускает меня, держится, словно я сейчас выскользну из её рук и исчезну. Вошли в гостиную. Тут она начала разглядывать платье на мне.

– А что это за вещь, это ведь не твоё платье? – пытливо рассматривает, обеспокоенно смотрит мне в глаза.

– Не моё, – не знаю, что сказать дальше, не хочется признаваться, что на мне порвали ночнушку, стараюсь, чтобы мама не прочла этого по выражению моего лица.

– Что они сделали? Эля, скажи мне правду. Не бойся никого. Мы пойдём в полицию, они сумеют нас защитить. Говори. Я всё пойму, за меня не волнуйся, я выдержу...

– Ничего не сделали, – говорю глядя ей в глаза.

– Эля... – она недоверчиво смотрит на моё лицо, – если они что-то сделали...

– Ничего, мам, но я должна вернуться, – говорю спокойно.

Весь мой страх почему-то исчез. На его место пришло равнодушное спокойствие, глядя на которое у моей мамы снова затряслись губы.

– Девочка моя, пошли, следователь сказал, мы сможем доказать...

– Мама, я никуда не пойду. Вечером за мной приедет машина. Я пришла сказать тебе, что ты должна забрать заявле-

ние. Если ты этого не сделаешь... – я опустила взгляд.

– Что они сделают, что! – она схватила меня за плечи и начала трясти, – не молчи, скажи, что они сделают!

– Они убьют папу, – проговорила я беззвучно.

Она остановилась. Смотрит на меня безумным взглядом, отпустила мои руки. И вдруг опять схватилась за меня.

– Да пусть убивают, – говорит отчаянно, – он сам виноват, что довёл до такого! Гад! Предатель! Он всё проиграл, даже меня! Он нас не любит, это не любовь! Разве может отец совершить такое! Элиночка, доченька, я пойду вместо тебя, я отработаю! – снова за меня схватилась.

Я сунула пальцы под рукав и достала расписку. Подала ей. Она схватила, развернула. Читает бумагу исписанную рукой моего отца.

– Ты свободна, мама.

– Боже, нет. Зачем это мне, пусть возьмут меня, только не ты, – она прижала руку ко рту и из её глаз снова полились слёзы.

– Уже решено, – сказала я и вздохнула, – может быть всё не так страшно, как ты думаешь, – её уговариваю, а сама дрожу, вспоминая слова этого монстра. Он собрался продавать мою девственность.

Мама хватается за меня, обнимает, трогает волосы лицо, гладит по голове.

– Я тебя не отдам, я пойду в полицию, всё расскажу следователям...

– Мама, – я схватила её за руки, – успокойся.

– Нет, я не успокоюсь! Я не собираюсь успокаиваться, я найду на них управу! Нет, это надо такое. Сейчас не работодельческий строй, чтобы брать людей, продавать и проигрывать, я добьюсь правды. Мы сбежим, уедем, прямо сейчас. Собирайся...

– Ты слышишь, что я говорю, – тряхнула теперь я её.

– Я не хочу ничего слушать, мы сейчас же идём в полицию. Или нет, я прямо сейчас позвоню следователям...

– Мы не пойдём в полицию. Ты пойдёшь туда без меня. И скажешь, что забираешь заявление, что я вернулась домой и никто меня не удерживает.

– Я не могу, – жалобно смотрит на меня, – не проси, я хочу, чтобы они все были наказаны.

– Но они убьют папу, а потом всё равно придут сюда. Потому что он им должен, а его долг переложат на нас с тобой, понимаешь?

– О Господи, да что же за напасть такая!

Мама бессильно села на стул и положила руки на колени. Жалко смотреть.

– Мама, не волнуйся, со мной всё будет хорошо, – хочу её утешить.

Сама-то понимаю, хорошего ничего не будет.

Глава 12

Стоя под душем, я долго трусь мочалкой, пытаюсь стереть с себя невидимые следы сегодняшней ночи. Понятно, они не на теле, они в голове. Их уже не сотрёшь никогда. Они постоянно будут возвращаться и напоминать.

Вышла из-под душа, замоталась в полотенце, посмотрела в зеркало. Не понимаю, что происходит. Кажется, или я совсем не выгляжу несчастной.

Нет, показалось. Мерзко на душе. Гадко при мыслях о вчерашнем.

Мама внизу, готовит завтрак, тот самый омлет.

Из комнаты я вышла одетая в лёгкие черные легенсы и белую футболку. На ногах тряпичные спортивные тапочки на шнурках. Выбрала одежду простую, неброскую. Никаких платьев и рюшиков.

– Садись, поешь, – мама поставила передо мной тарелку с омлетом и внимательно на меня осмотрела.

Не напоминает ни о чём, но в её взгляде читается сочувствие и жалось. Ей хуже, чем мне. Во много раз хуже. Я просто испытала , то что испытала, а она в своей голове представляет картины намного худшие. Сейчас, чего бы я ей не рассказала, она не поверит, и будет думать о худшем. В её представлении, всё во сто раз преувеличено.

– Ты поедешь со мной в больницу? – спрашиваю, чтобы

разрядить напряженный момент.

– Конечно поеду... хоть он и не заслуживает. Я не могу ему простить... такое не могу, – упершись руками в столешницу, она помотала головой. Вижу, как ей нелегко.

– Ты уйдёшь от него?

Она кинула на меня настороженный взгляд.

– С чего ты взяла?

– Я слышала на прошлой неделе, ночью, как ты говорила ему, что собираешься от него уходить.

Мама прикусила губу.

– Я не хотела, чтобы ты знала. Но меня уже всё достало.

– Ты серьёзно собралась уходить от папы? Почему? – в недоумении смотрю.

Она отвернулась. Не хочет говорить, но я чувствую, есть то, чего я не знаю. От меня скрывают правду, которую я имею право знать.

– Мама, говори, я уже не ребёнок, я всё могу понять.

Она вздохнула и повернулась.

– Он – игрок. Не может себя остановить. Он проиграл так много, что ты себе представить не можешь. И ещё, у него есть любовница. Уже давно. Несколько лет у него есть другая женщина. Молодая и красивая, не то, что я.

– Так почему он не ушел к ней?

– Из-за тебя. Не хотел, чтобы ты начала его ненавидеть... наверное, – пожала она плечом.

– Разве я стала бы его ненавидеть?

– Не знаю. Может ему удобно так говорить. Это у него нужно спрашивать, не у меня. Я-то отпустила. Уже не знаю, – она села за стол напротив меня, подперла рукой щеку. – Может и надо было ему уйти раньше, купил бы нам квартиру, жили бы отдельно. Не попали бы в такую ситуацию. А теперь, он всё проиграл. У нас ничего нет. Свою-то любовницу он точно обеспечил, она живёт в шикарном доме в элитном поселке.

– Ты даже это знаешь? – не могу начать есть, столько новой информации.

– Конечно знаю. Я знаю о ней всё, вплоть до того у кого она делает маникюр и причёску.

В моей голове всё это пока не укладывается. Не могу поверить, что мой любимый папа имел много лет другую женщину, а мама давно собиралась от него уйти. Идеальный мир вокруг меня рушиться по кирпичику. Жую омлет и осознаю, наша жизнь со вчерашнего дня уже не будет прежней.

На такси мы приехали в больницу. Нас сразу провели в палату к папе. У двери мама остановилась.

– Иди сама. Я не хочу его видеть.

– Ты уверена?

– Больше чем. Иди Эля, – она отошла к стене.

Я открыла дверь и вошла в палату. Папу я увидела сразу, но не сразу узнала. Опухшее лицо, в руках иглы капельниц, глаза закрыты. Я подошла. Глядя на него, хочется плакать. Но я не могу.

– Папа, – я коснулась пальцами его руки.

Веки дрогнули, глаза открылись, подобие улыбки пересекло губы.

– Девочка... ты здесь?

– Я здесь, папа, не волнуйся, всё хорошо.

В краю глаза показалась слеза, она быстро увеличилась и скатилась по его щеке.

– Прости меня, малыш, – сказал папа.

– Не волнуйся, всё будет хорошо. Ты, главное, выздоравливай.

– Я не хотел, чтобы так вышло, поверь, – говорит, с трудом шевеля губами, – я этого не хотел.

– Я знаю, – пожалала его пальцы.

– Не могу тебе помочь даже... – выдохнул он и попытался вдохнуть, но это у него получилось очень тяжело.

– Папа, не думай об этом. Пожалуйста, – чувствую комок в горле, он душит меня, не могу произнести ни слова, не знаю, что ещё сказать.

Он виноват, и уже расплачивается за это. Но я не хочу, чтобы он страдал. Глядя на его мучения, я сама пытаюсь понять, как решить то, что на нас навалилось. Сложно, почти невозможно. Нереально выкрутиться из данной ситуации. Если только найти где-то деньги. А где ты их найдёшь? Папа не смог, а мне куда.

Значит, придётся вернуться к Булату. Другой дороги нет и не будет. Сбежать нельзя, он убьёт папу. Даже если он так

сказал просто, чтобы меня запугать, они не оставят отца в покое. Это я уже проняла.

– Девочка моя, я сейчас поправлюсь немного и найду деньги. Клянусь тебе, чем хочешь.

Я поджала губу. Что-то подсказывает, что он очень часто произносил эти слова, клялся моей маме, а потом всё началось сначала.

Только слова не меняют того факта, что никто не имеет права брать и так поступать с людьми, как поступает Булат. Он мог дать отцу время, чтобы тот расплатился. Он мог забрать все, что мы имеем, но не хватать меня и не делать со мной то, что он сделал. Это незаконно, в конце концов. А запугивание, разве не преступление.

С ужасом я подумала, что мне нужно возвращаться туда, в логово разврата и порока, чтобы стать... даже не представляю кем. В уме не укладывается, что я должна буду делать.

– Мы справимся, – проговорила я, но сама в это совсем не верю.

Как мы справимся, не представляю.

Вышла из палаты прислонилась к стене. Мама подошла, обняла меня за плечи.

– Пошли домой.

Едем обратно, я смотрю в окно и пытаюсь представить, что я могу сделать. Не хочу возвращаться туда. Мне страшно.

Вернуться – равносильно самой согласиться на то, что он

предлагает.

Значит, нужно бежать, но у нас с мамой нет денег. Наши счета заблокированы. Драгоценности мамыны забрали эти люди. Можно что-то продать, только мы не успеем, времени осталось несколько часов до девяти.

Вошли в квартиру. На меня вдруг навалилась страшная апатия. Всё равно, что будет дальше. Потом решу, как быть, а сейчас я хочу просто отдохнуть.

– Я пойду к себе, полежу немного, – говорю устало.

– Иди, лежи, – мама тревожно смотрит.

– Если усну, разбуди меня в без двадцати девять. За мной приедет машина.

– Хорошо, – она кивнула.

– Только обязательно, – смотрю ей в глаза, чувствую что-то не то.

– Разбужу, не волнуйся, – она подошла ко мне, положила ладони на щёки, потянулась и поцеловала в лоб.

Я вошла к себе в комнату. Закрыла дверь. Постояла немного, глядя на все свои игрушки. Сегодня им пришел конец. Повернулась, закрыла дверь на защёлку, потом к кровати, начала выкидывать всё, что там лежит. Зайчики, мишки, котики, всё скинула на пол. Резко подошла к бельевому шкафу, достала простынь, расстелила её на полу, накидала на неё то, что ещё держало меня в каком-то волшебном мире. Завязала на узел и ногой толкнула к двери.

Упала на кровать, закрыла глаза.

Глава 13

В половине девятого я спустился вниз, прошелся по залу, посмотрел всё ли как обычно и начал подниматься на второй этаж, когда увидел входящего в клуб Макса. Он явно чем-то озабочен. Сосредоточено идёт в направлении лестницы, прямо на меня, но меня пока не замечает. Наконец поднял голову, прищурился. Хмурый взгляд.

– Короче... эта девка Зуева... не выходит. Саня звонил, стоит уже полчаса, а должна была к девяти...

– Какого хрена он тупит, пусть поднимется, – раздражаюсь от очередной тупости Сани.

– Он поднимался, потом спустился в машину, чтобы мне позвонить. Говорит в окнах нет света. И ещё, ему показалось, на лестничной площадке газом воняет.

– Пусть крестится, когда кажется... – сказал я спокойно, но уже через секунду что-то дернуло с места. Какая-то догадка или предположение, хер его поймет. – Поехали, – резко развернулся я к выходу.

Через десять минут Макс уже паркует Гелик у дома Зуева. Вернее, как паркует, встать негде, поставил просто на дороге, пусть объезжают. Мы торопливо вышли из машины, глянули на окна на пятом – темно. Саня у подъезда нервно курит, нас поджидает.

– Почему так долго молчал? – проходя мимо, сурово смотрит

рю ему в лицо.

– Я думал, выйдет сама...

– Ох, ты ёп вашу мать, ты ещё и думать умеешь. Давай быстро наверх!

Вошли в подъезд. Старушенция за стойкой возмущённо уставилась на нас сквозь очки, хотела что-то вякнуть, но побоялась, внимательнее рассмотрев в нас опасных личностей.

На пятый этаж на лифте. Только вышли в нос ударил сладковатый запах.

– Сука! Работай, Макс! – указываю на дверь, прикрывая нос воротом рубашки. Подошел к духовому подъездному окну, толкнул раму, открыл. В помещение ворвался свежий вечерний воздух.

Макс в прошлом вор домушник. Два срока отсидел. Во вторую ходку я ему нанял дорогого адвоката, который хорошо скостил срок. Так что Макс передо мной в вечной благодарности. Ну и я его не обижаю. Умный, хитрый, пронырливый, до педантизма организованный, очень опасный. В кармане у него всегда откидной нож и связка универсальных отмычек.

Достал, глянул на замок и сразу вытянул из связки ту отмычку, что нужна в данном случае. Не ошибся. Профи. Замок щёлкнул, дверь открылась. На нас вырвался духан концентрированной газовой смеси. Одна искра и дом взлетит на воздух. Я кинулся в квартиру, сразу к окну, закрыв нос рукавом. Не включая света, чтобы ни одной искры. Дернул

раму, распахнул. Макс открыл второе окно, третье. Махаем руками, разгоняя ядовитую дымку.

Марево быстро прояснилось, стало легче дышать. Макс щелкнул выключателем.

Картина охренеть, походу пора вызывать ментов.

– Твою мать! – остановился Саня, выпучив глаза.

За кухонной стойкой лежит женщина, по приметам жена Зуева.

Саня выключил газовую плиту, все конфорки которой были открыты выпуская куболитры смертоносного испарения.

Макс склонился над женщиной, потрогал артерию.

– Всё, – проговорил и посмотрел мне в глаза.

Я повернулся, кинул взгляд наверх.

– Ах ты, сука! – бросился я к лестнице.

Там несколько дверей, дернул одну другую, заглянул в комнаты, никого. Третья, дальняя дверь заперта изнутри, я стукнул несколько раз кулаком, за дверью тишина.

– Блять, пацаны, будем выбивать!

– Отойди, – Макс подошел со своими отмычками.

Только вот, что он сможет, если заперто изнутри на защелку. Оказывается и на этот случай есть приспособление. Он вытянул что-то типа плоской железной пластины, сунул в проём, покрутил, поелозил и меньше чем через минуту дверь была открыта. Я толкнул, она не сразу поддалась, что-то мешает, подпирает с той стороны. Толкаю сильнее. Какой-то баул или мешок.

Входим. Темно. Тут запах газа не такой концентрированный. Немного легче. Макс к окну, потянул задвижки, открыл нараспашку все рамы. В неясном отблеске уличных фонарей с проспекта видно, на кровати лежит девушка. На первый взгляд, как будто спит.

Я подошел. Тронул щёку, голова безвольно наклонилась, приложил палец к шее, пульс есть.

– Жива. Без сознания, – говорю облегченно вздохнув.

Вот почему-то именно сейчас не хочется, чтобы она отчаилась. Мать её конечно не вернёшь, она прямо у печки легла, а эта малышка... у неё ещё есть шанс. Короче стрёмно, если бы она тоже померла.

– Надышалась, – уточнил Макс, – пошли на воздух, может, очнётся. Походу, этот баул под дверью спас её жизнь. А может это она? Нет... скорее всего мамаша решила за всех.

Я подхватил на руки девчонку, она как пушинка, невесомая, и понес вниз.

Мы покинули квартиру, прошли мимо всё той же тётки внизу.

– Мамаша, вызывай полицию на пятый этаж, – сказал Саян.

Вышли на улицу на свежий воздух. Тут совсем хорошо. Я вдохнул побольше воздуха, глянул на лицо малышки. Охренеть, походу я её сейчас от смерти спас.

Чувствую, еду куда-то. Или лечу. Нет, всё-таки еду. Резко отступили странные галлюцинации, я вздохнула. Показалось, лёгкие наполнились не воздухом, не кислородом, а чем-то сладким, усыпляющим и одновременно удушающим... А в следующий момент видение пропало. Щека моя лежит на чем-то похожем на кожу сидения авто. Запах салона.

Я услышала голос, открыла глаза и сразу увидела профиль.

О боже! Опять он.

Глава 14

Лицо этого человека будет постоянно преследовать меня в кошмарных снах. От звука его голоса я прихожу в состояние гипноза беспомощной мухи, попавшей в лапы огромного мерзкого пука. Я даже начинаю подсознательно вспоминать его запах.

Лежу на сидении, не встаю. Закрываю глаза, делаю вид, что не очнулась ещё. Булат разговаривает с водителем и время от времени поворачивает голову в мою сторону. Я этого не вижу, но чувствую его дыхание и звук голоса направленный в мою сторону во время разговора

Что-то обсуждают, не могу связать отдельные фразы.

Кто-то где-то умер и сейчас туда приедут менты, поняла только это. Дальше речь зашла о деньгах, о том, что теперь ничего не получают и нужно что-то предпринимать. Снова голос в мою сторону. Наверное, говорят обо мне и о долге моего отца.

Они затихли, я стараюсь вспомнить, как я оказалась в машине. Неужели так крепко спала что даже не почувствовала как меня сюда принесли и положили. Странно. И почему я не слышала и не видела маму. Очень странно. Надеюсь вспомню.

Машина всё едет и едет. Мне стало неудобно, затекла нога. Нужно встать, но страшно привлекать к себе внимание.

Уже невыносимо лежать в неудобной позе. Я уперлась рукой и начала вставать. В какой-то момент Булат повернулся, глянул на меня.

– Оклемалась?

Я ничего не ответила, сжала ладони на коленях. Он внимательно посмотрел на этот жест и отвернулся.

Раз я тут, значит всё. Они забрали меня из дома и везут туда, где я буду работать проституткой и отрабатывать долг отца. Это ужасно, но мне почему-то уже всё равно.

Уныло сморю в окно. Мимо проносится вечерний город. Я уже не принадлежу этому городу и своей семье не принадлежу. Я практически предмет, посредством которого эти люди будут зарабатывать деньги.

Я бы могла заплакать, закричать, кинуться к двери, распахнуть, выскочить на полном ходу и разбиться насмерть... но, я боюсь. Страшно умирать. Не хочу, не готова. Может быть, моя дальнейшая жизнь будет нелёгкой, но это всё-таки жизнь. Я не хочу лежать в земле. Не хочу.

На глаза накатились слёзы, потекли по щекам. Чувствую, они сейчас высохнут и больше не появятся. Это были последние слёзы. Больше не хочется плакать. Устала. Легче наверное смириться. Будь что будет. Может, если выполнять всё, что потребуют, то останусь жива. Как это всё ужасно.

Машина поехала между домов и высоких заборов. Что-то типа элитного поселка, такого где находится наша дача. Тут только дорогие дома богатых людей. Подъехали к воротам.

Они начали отъезжать в сторону. Машина въехала во двор. На стоянке стоит с десяток дорогих машин.

Я увидела большой дом. Почти во всех окнах горит свет. И все окна закрыты шторами. Что это за место, остаётся только догадываться.

Если Булат собрался сделать меня шлюхой, то наверное это – место моей работы.

Я обернулась, ворота закрылись. Всё. Я в плену и сбежать из этого плена невозможно. Вокруг огромный забор и ворота с охраной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.